

М.А.Членов (Москва, Гос. Классическая Академия им. Маймонида)

Кенааниты - средневековое еврейство славянского мира

Раннесредневековая история евреев в славянских землях давно уже перестала быть *tabula rasa* для современных специалистов по иудаике, хотя все еще остается таковой для большинства медиевистов. Начатая работами А.Гаркави в конце позапрошлого века (Гаркави 1865), библиография по этой теме пополнилась десятками, если не сотнями исследований, посвященных еврейско-славянским и, в частности, еврейско-русским взаимосвязям первой половины истекшего тысячелетия. Особенно оживился интерес к евреям Киевской Руси после открытия и публикации в 1982г. «Киевского письма» и последовавшей за этим оживленной полемикой по поводу места этого документа в средневековом русском источниковедении (Golb,Pritsak 1982).

Само по себе существование еврейских общин в конце I - начале II тыс. н.э. на территориях, осваивавшихся западными и восточными славянами, не вызывает сегодня сомнения почти ни у кого. Организованные общины существовали в X - XV вв. в Праге, возможно, в некоторых городах Чехии и Моравии, в Силезии, в Галиции, на Волыни, в Киеве, Чернигове, других центрах региона. Чуть более поздним периодом датируется появление еврейских поселений в Великой Польше и в Полабье. О жизни всех этих общин известно далеко не так мало, хотя новый фактический материал давно не публиковался.

Большинство современных исследователей заняты изучением проблематики в рамках парадигмы «евреи vs. славяне». Гораздо меньше внимания уделяется анализу места

этих общин в парадигме «эдот vs. эдот», т.е. поиску их места внутри структуры еврейской цивилизации того времени. Теоретические постулаты еврейской антропологии, обсуждаемые в основном в русскоязычной научной прессе в последние десятилетия, среди прочего содержат тезис о том, что в период развитой диаспорной еврейской цивилизации, как, впрочем, и сегодня, не существовало «евреев вообще». Средневековое еврейство состояло из конечного числа еврейских этнических групп, *эдот*, (ед. число *эда*, мн. число - *эдот*) каждая из которых характеризовалась специфическим этнокультурным и языковым профилем (Weinreich 1980; Членов 1999; Милитарев 2003; Вихнович 2008; Членов 2009 и др.). Адекватное понимание этнических и исторических процессов, происходивших внутри еврейства в период его диаспорного существования невозможно без учета отнесенности той или иной общины к ее специфическому этнокультурному ареалу. Понятно, например, что пути развития сефардских общин Османской империи, будь то в области материальной культуры, языка, словесности, музыки, бытовой религии, хозяйственного и экономического облика и пр. существенно отличались от аналогичных форм у ашкеназов Центральной Европы, не говоря уже о бета-исраэль в Эфиопии. Другим ярким примером этого становится сегодняшняя ситуация с абсорбцией бывших советских евреев к другим эдот в Израиле, Америке, Германии, где им приходится приспосабливаться к иной этнической культуре, цивилизационно близкой им, но далеко не идентичной. Принадлежность к определенной этнической общности, *эде*, определяла весь культурный и хозяйственный облик той или иной еврейской общины, ее внутренние и внешние связи с другими еврейскими эдот, с окружающими нееврейскими народами и государствами, частью которых они становились. Поэтому для историка, этнографа, культуролога, любого пытливого исследователя далеко не простой жизни средневековых еврейских общин, одним из первых легитимных вопросов становится проблема этнической принадлежности изучаемой общины.

Ответ на него содержится даже в скудных источниках раннего и развитого средневековья по интересующей нас проблеме. Во многих письменных еврейских источниках того

времени мы неоднократно встречаем упоминания о существовании экзо- и эндоидентификации евреев славянских земель, под именем *кенааним*, что мы предлагаем переводить на русский язык термином *кенааниты*, дабы избежать путаницы с древневосточными *ханаанеями* Восточного Средиземноморья. Строго говоря, после А.Гаркави, выдвинувшего гипотезу о бытовании у них славянского языка в качестве разговорного идиома, почти никто из более поздних исследователей, за исключением М.Вайнрайха и Р.Якобсона и М.Халле, не пытался анализировать кенаанитов как самостоятельную еврейскую *эду* (Гаркави 1865; Weinreich 1980; Jakobson, Halle 1964).

Представляется, что для активно развивающейся российской иудаики *кенааниты* представляют специфический интерес, как одна из ранних, видимо, славяноязычных еврейских этнических групп, населявших пределы будущей Российской империи. К сожалению, за прошедшие со времени публикации первых работ А.Гаркави (Гаркави 1865; 1866) было обнаружено не так много новых фактических данных о жизни кенаанитов, как можно было бы предположить. Возможность появления новых источников, впрочем, не следует исключать. Совсем недавно в прессе и в интернете появились удивительные сообщения об обнаружении в Афганистане собрания средневековых еврейских рукописей IX - XI вв. Пока они не введены в научный оборот, не имеет смысла комментировать эту находку, хотя журналисты уже намекают на то, что в этих документах могут содержаться данные о евреях в Киевской Руси. Пока же, если не считать «Киевского письма», большинство основных источников на эту тему были уже известны таким классикам иудаики как Р.Якобсон и М.Вайнрайх (Jakobson, Halle 1964; Weinreich 1980). Но менялся с течением времени сам подход к исследованию этой темы, менялся исторический и источниковедческий фон, на котором эти исследования проводились.

Настоящий сборник представляет собой попытку подвести какие-то итоги полутора столетним изысканиям в этой области, попытаться заново оценить работы классиков иудаики о кенаанитах, определить исторический контекст, в котором развивалась жизнь *эды* кенаанитов, ее контакты внутри и вне еврейского мира, наконец, попытаться как-то сопоставить корпус

данных о кенаанитах с общим видением средневековой еврейской диаспоры.

О средневековом топониме Кенаан

Сам термин *Кенаан* применительно к средневековым славянским землям впервые появляется, очевидно, в X в. в знаменитом еврейском псевдоэпиграфе «Сефер Йосиппон», составленном, вероятно, в Италии в первой половине X в. Этот вопрос более подробно рассматривается в статье М.Членова в настоящем сборнике (Членов 2012). Из его анализа можно понять, что еврейские топонимические и этнонимические термины того времени были обусловлены идеологическим контекстом библейского текста и имели целью ввести вновь образовывавшиеся тогда *эдот* в принятую мистическую парадигму существования еврейства. По крайней мере, по отношению к трем средневековым еврейским лингво-географическо-культурным ареалам - Кенаан, обозначавшем между X и XIV вв. славянские земли, Царфат, служившим названием для ареала, охватывавшего Северную Францию, Нижний Рейн и Англию, и Сефарад, как называлась Испания и Португалия, можно применить пророчество о грядущем их возвращении в Землю Израиля, провозглашенное в книге пророка Овадии (Авдия).

В хасидском переводе Йосиппона на русский язык стих из этой книги звучит следующим образом: ”И изгнанное войско это сынов Израиля, что среди кенаанян до Царфата, и изгнанные из Иерусалима, что в Сефараде, унаследуют горы Негева (20) И взойдут спасители на гору Сион, чтобы судить гору Исава. И будет Господу царство (21)”. Безусловно, именно поэтому не случаен выбор этих трех (изначально в библейском тексте) топонимов для обозначения ареалов трех крупнейших еврейских общин в раннесредневековой Европе. Оказавшись включенными в общую парадигму сакрального галута, именно эти три европейские *эды* могут легитимно претендовать на геулу и алию не только в рамках общего пророчества о мессианском

избавлении народа Израиля, но и, ссылаясь на конкретное пророчество Овадии, включающее еще и посрамление Исава, к которому, как известно, в средние века евреи возводили европейские народы.

В небольшой историографии этого термина обычно превалируют ссылки на аллюзию славян и рабов, где библейский Кенаан “раб рабов” [Быт. 9:25] как бы символизирует образ славянина как раба. Более того, сами кенааниты в тех немногих текстах, которые дошли до нас, также указывают на то, что жители земли Кенаан, в которой они живут, подобно древним ханаанеянам продают своих детей в рабство (Биньямин из Туделы, Ице из Чернигова, Иосиппон и др.). Похоже, однако, что эти вполне оправданные для раннего средневековья семантические параллели являют нам не более чем образец народной этимологии, так же, как и изыски Ице из Чернигова по поводу предполагаемой языковой близости между ханаанским языком, который следует понимать как древний иврит, и кенаанитским славянским, или кенаанитом (Вихнович 2012). Очевидно, что введение топонима *Кенаан* в еврейскую историко-географическую средневековую терминологию не может быть понято вне библейского контекста и вне связи с аналогичными топонимами Царфат и Сефарад. Обращает на себя внимание, что не менее известный термин Ашкеназ, которым обозначалась Германия и соответственно немецкоязычные (идишеязычные) евреи, не восходит к пророку Овадии. Но Ашкеназ появляется позднее и вначале осмысливается как ответвление Царфата, т.е. стоит на ином таксономическом уровне, чем анализируемые нами три топонима.

Таким образом, можно предположить, что все эти три термина применялись не только к дальним странам, в которых поселились евреи в рассеянии, и населению этих стран, но и косвенно, по крайней мере, к самим еврейским общинам. Все же первоначальное значение ограничивалось, как правило, наименованием страны и местного населения. Только постепенно оно приобретает характер одного из еврейских этнонимов. Так, например, в сегодняшнем иврите слово *сефарадим* означает и испанцев, и евреев, потомков изгнанников из Испании; *царфатим* в равной мере и французы, и евреи из средневековой *эды* Царфат.

Средневековый Кенаан не дожид до нового времени и сегодня израильтяне не называют славян словом *кенааним*, и вообще средневековое значение этого слова давно забыто и доступно только узким специалистам в области иудаики.

География средневекового Кенаана

Уже первое упоминание слова *Кенаан/кенааним* в книге «Сефер Йосиппон» содержит и географическую характеристику этого этнонима. Приведем вначале перевод с классического текста, по которому Д.Флуссер провел свое критическое издание памятника: (Рашковский 2009):

- «Доданим - это даниски, живущие в заливах моря Океана в стране Данамарка и в Инданья в великом море, они поклялись не покоряться римлянам и пытались скрыться в волнах моря Океана, но не смогли, ибо власть Рима простиралась до последних островов моря. И морава, и харвати, и сорбии, и лучанин, и ляхин, и кракар, и боймин считаются от сыновей доданим, живут же они на берегу моря, от границы булгар до Венетикии на море; они то и называются склави, а иные говорят, что они от сыновей Ханаана, но они возводят свою родословную к сыновьям доданим (Петрухин В.Я., Эйделькинд Я.Д. 1978);

В другом варианте «Йосиппона», изданном недавно религиозным издательством в Израиле, этот отрывок выглядит следующим образом;

«Доданим - это народ Данишки, живущие по заливам моря Океануса в землях Дина, Мехаба и в Ардене посреди Моря великого, поклявшийся, что не перейдет на сторону романеев. Спрятались они посреди волн моря Океануса и не одолели их, хоть и добралась власть римская до последних островов морских. А Гелей, Тацио и Кравети (хорваты - МЧ) и Салкей (Словаки - МЧ) и Лицфин и Лвомин и Каркар и Кизрамон и Безамин - всех их считают в числе сыновей Доданим. А живут они по берегу моря от границы Булгари до Бон Дикия (Венеция - МЧ). И оттуда

тянется граница их до Моря великого. Их зовут сикелеби. Есть, которые говорят, что они из сыновей Кенаановых, а на самом деле - относятся они к сыновьям Доданим.» (перевод М.Членова по тексту «Сефер Йосиппон ле Йосеф Бен-Горйон Акоэн». Иерусалим, Орайта 1999).

«Йосиппон» ставит знак равенства между понятием «сыновья Кенаановы» и словом *склави/сикелеби*, которое в форме сакалиба известно как обозначение славян в средневековых восточных источниках. Можно полагать, что в X в., а скорее всего и раньше, этот термин распространялся на славяноязычное население Восточной Европы, «от границы болгар» до Венеции. В X в. Болгария имела за собой уже почти три столетия государственной истории. На западе она включала в себя (до византийского завоевания в начале XI в.) территорию сегодняшней Македонии, Косово, часть Сербии, возможно также часть Паннонии, которая именно в то время начала подвергаться нападениям мадьяров. Отметим, что болгары в «Йосиппоне» не включаются в состав доданим/кенаан/сикелеби, т.е. славян, а классифицируются вместе с тюрками, такими как хазары, печенеги, турки и др. (гл.1), что отражает вполне реальность IX в., когда ассимиляция протоболгар славянами еще не завершилась.

Более внимательный анализ перечисленных в «Йосиппоне» славянских этнонимов указывает на определенную «богеоцентричность» этого списка. Хорваты и сербы в нем могли означать и известные югославянские племенные и раннегосударственные объединения, но могли относиться и к ассимилированному впоследствии славянскому населению Паннонии. «Лучане», ляхи и краковчане, скорее, указывают на какое-то западнославянское население, чем на югославянское. На протяжении XI - XII вв. термин Кенаан в еврейских источниках обычно привязывается к Чехии, Полабью, Силезии, в меньшей мере к Малой Польше (Бруцкус 1927). Все эти территории в IX в. тяготели к Великоморавскому государству, которое, возможно, и следует рассматривать как центр еврейского Кенаана в то время. Несколько позже термин Кенаан начинает также применяться и к более восточным славянским областям, именно к Киевской Руси. Мы встречаем его в XII в. у Ице из Чернигова, который объясняет

его несколькими квази-этимологическими разысканиями (Вихнович 2013), в то же время у Биньямина из Туделы: «Оттуда (от Ашкеназа - МЧ) дальше простирается страна Богемия, называемая иначе Прагой; это начало Склавонии, и евреи, там живущие, называют эту землю Ханааном, потому что туземцы продают своих сыновей и дочерей всем народам, и так же делают жители Руси. Это царство весьма обширно и простирается от ворот Праги до ворот Пина (Киева?), великого пограничного города царства. Страна гористая и лесистая, где водятся звери, называемые вайрагрес и наблинац (белки и соболи? - МЧ). Там человек зимой не выходит из дверей своего дома от ужасной стужи. Доселе о царстве Руси» (Марголин 1881). Привязку Кенаана к Руси встречаем также в известном письме салоницкого еврея о евреях из «Русии», который знает только язык его страны - кенаанский (Marmorstein A. 1921 P. 92-97.) и в ряде других источников.

Таким образом, территория еврейского Кенаана охватывала, как это сформулировал еще М.Вайнрайх в своем классическом труде (Weinreich 1980, P.86), территорию вдоль торгового пути из Центральной Европы в Приднепровье. Нам известны упоминания о еврейских общинах того времени в Праге, Магдебурге, Мейсене, Эрфурте, Вене, Кракове, Перемышле, Владимире-Волынском, Киеве, Чернигове. Обо всех их можно говорить как о кенаанитских, т.е. воспринявших славянские языки, или какие-то еврейско-славянские этнолекты в качестве разговорных еврейских языков. Примечательно, что и сами славяне, в частности средневековые русские, явно зная о еврейском наименовании своей страны, также в определенном смысле осознавали себя как Кенаан (Белова, Петрухин 2008, с. 52 - 64).

Менее надежным представляется распространение понятия Кенаан на южнославянские земли. Некоторые исследователи полагают, что и на них распространялся этот этноним (В.Москович, А.Торпусман - устные сообщения). Но как уже отмечалось, болгары, по крайней мере, в «Иосиппоне», группировались вместе с тюркскими, а не со славянскими народами. Салоницкий еврей, упоминая проезжего еврейского паломника из «Русии», отмечает, что он умеет говорить только по-кенаански, т.е. на языке страны, в которой он живет.

Славянский был достаточно широко распространен в то время в Салониках, достаточно напомнить салоницкое происхождение «солунских братьев» Кирилла и Мефодия, чьим родным языком, как полагают большинство исследователей, был именно славянский. Тем не менее, салоницкий еврей не употребляет по отношению к языку своего гостя местоимение «наш», как это делает, например, Исаак из Вены в XIII в., автор трактата «Ор Заруа», характеризую кенаанские глоссы в своем знаменитом сочинении. Болгария совсем не была неизвестной страной для евреев тысячу лет назад. Наоборот, еврейское присутствие в этой стране было более выражено, чем в расположенных к северу и востоку от нее прочих славянских землях. Евреи поселились в Болгарии и Македонии еще в те времена, когда они входили в римские провинции, в раннее средневековье болгарско-еврейские связи хорошо известны, можно полагать, что иудейское влияние было заметным в первые века существования болгарского государства, о чем можно судить, хотя бы по вопросам, посланным в 866г. болгарским князем Борисом I римскому папе Николаю I, из которых явствует, что он слабо понимал разницу между иудаизмом и христианством (Шапира 2012). Примечательно, что ни в одном из источников мы не встречаем слова Кенаан применительно к болгарам или Болгарскому государству. То же можно сказать не только об Охридской Македонии, которая политически была в то время частью Болгарии, но и прочих югославянских землях - Сербии, Хорватии, Далмации, Словении, о которых мы вообще едва ли встречаем упоминания в еврейских источниках до развитого средневековья. Пока не появятся дополнительные источники, или новые исследования уже известных, оснований для включения земель южных славян в понятие Кенаан не обнаруживается.

Более того, похоже, что для евреев начала 2 тыс. н.э. Кенаан был единым понятием. Ни в одном из источников того времени мы не находим упоминания о том, что на самом деле существовали не одна, а две еврейских эды - западный и восточный Кенаан. Не очевидно, что этот вывод, к которому пришли исследователи XX в., был осознаваем самими кенаанитами. Он базируется почти исключительно на лингвистических аргументах, к рассмотрению которых мы перейдем ниже.

Хронология средневекового Кенаана

Первые данные о кенаанитах, но и об ашкеназах, появляются в IX - X в.в. До этого мы, похоже, не встречаем употребления этих топонимов/этнонимов в применении к отдельным группам еврейского населения. Что произошло в это время? Эпоха IX - X в.в. вообще может рассматриваться не только в еврейской, но и в общей европейской истории как граница между «темными веками» и «средневековьем». Для нашей темы важно понять, какие ареалы расселения евреев существовали на то время. Наверное, можно констатировать, что именно тогда протекало формирование и образование еврейских эдот в Европе - сефардов, ашкеназов, царфатов, кенаанитов и романиотов (с разбивкой на византийских и на римских). Можно возразить, что сефарды, евреи Испании, к тому времени жили там не одну сотню, если не тысячу лет. Но именно в X в. начинается т.н. «золотой век евреев в Испании», с которого они, собственно говоря, и включаются в общееврейское культурное пространство. Евреи северной Франции, Нидерландов и Англии, царфатим, также известны историческим источникам, еще с римской Галлии и Германии, но именно с IX - X вв. начинает складываться центр раввинской учености, впоследствии в XII - XIII вв. засверкавший именами Раши и тосафистов. Ашкеназы, первое упоминание о которых также относится к этому времени, долгое время рассматриваются самими евреями как ответвление Царфата, т.е. на ином таксономическом уровне. Подобно этому старейшая еврейская эда в Европе, евреи Нарбонны/Прованса, считалась, скорее, вариантом сефардов, чем самостоятельной эдой. Поляков дает к этому еще весьма важное замечание, сообщая, что именно к IX в. относится важное изменение в католическую литургию - прекращение бенедикции в день св. Пятницы за евреев, бытовавшее до этого времени вместе с благословением новообращенных и язычников (Поляков 1997: 200). К этому же примерно времени относится предполагаемое Вайнрайхом и Кацем переселение арамеоязычных евреев из халифата в Европу, символизирующее конец гаонского периода и вообще ближневосточного центра еврейства и перемещения его в Европу.

Формирование этно не тождественно вообще физическому присутствию евреев в какой-то местности. Несомненно, евреи жили почти во всех провинциях Римской империи, но тогда они почти наверняка, воспринимались местным населением, варварами, как часть «римлян». Подобно этому евреи-ашкеназы воспринимались как «русские», скажем, в советских республиках Средней Азии. Эти «римляне» сосредоточивались преимущественно в бывшей римской Галлии, или, более осторожно, оттуда происходят основные источники, дающие представление о европейских евреях темных веков. К X в., видимо, кончается период «римлян», преобладавший на протяжении всех темных веков. Формируются новые европейские народы - французы вместо франков, немцы вместо саксов и баваров и пр. Соответственно, евреи оформляются параллельно с этим в новые уже европейские общности, обладавшие к тому времени новой идентичностью и новым еврейским языком. Такова одна из возможных причин того, что описываемые нами общности становятся известными именно с IX - X вв., а не раньше. Осознание же их происходит по единственно возможной в средневековые модели - включению каждого нового явления и каждой новой группы поселенцев в еврейскую культурную традицию. Смысл ее заключается в том, чтобы найти привязку или к Торе/Танаху, или к какому-либо внебиблейскому, но, тем не менее, сакральному сюжету в мифологизированном историческом повествовании, например, гибели Второго храма.

Отметим основные моменты европейской политической и культурно-религиозной истории конца I тыс. н.э., которые могут быть рассмотрены, как важные события для интересующей нас темы становления славяноязычных этно на территории средневековой Восточной Европы. Вообще в целом это - эпоха вписывания разнообразных кочевнических, торговых, раннеземледельческих и грабительских сообществ и их раннегосударственных образований в культурно-религиозную парадигму европейских и евразийских обществ. В конце IX в. происходит византийская христианизация Дунайской Болгарии, а в начале X в. - исламизация Волжской Булгарии.

Параллельно с этим продолжают существовать и иные конфессии. Воспринятое Римом в IV в. в качестве

государственной идеологии христианство было в интересующую нас эпоху представлено множеством течений, в том числе еще единым католико-православным направлением, монофизитством, несторианством и арианством. Отметим существование в то время еще влиятельного манихейства и его варианта в виде павликианства. Эти порожденные гностическими и даже более ранними иранскими дуалистическими течениями идеологии продолжали существовать и позднее, проявившись в последующие 200-300 лет в виде богомильского учения, затем учения катаров, вальденсов и др. Последние дожили до наших дней в Европе. Отметим также существование 1000 лет назад, но и сейчас разнообразных периферийных систем на Ближнем Востоке, в конечном счете, восходящих к гностикам: езидизм, друзы, мандейцы, аллауиты, копты и пр. Наконец, в Европе продолжали еще доживать свой век разнообразные племенные варварские религии. Т.е. к тому времени набор всевозможных религиозных систем на широком пространстве Западной Евразии не исчерпывался христианством и исламом, так что евреи еще не были единственным иноверческим анклавом в том мире (ср. интересный обзор восточноевропейской истории с точки зрения иудаики в Шапира 2010).

Но постоянные еврейские общины в том регионе, который стал называться Кенааном, похоже, возникают именно в IX-X вв., по крайней мере, о более ранних упоминаниях об этом, сведений до нас не дошло. Строго говоря, самые ранние источники, в которых упоминается Кенаан, относятся именно к X в., в упомянутом выше «Иосиппоне». Ко времени написания этой книги термин этот уже бытовал: «Есть, которые говорят, что они из сыновей Кенаановых, а на самом деле - относятся они к сыновьям Доданим», говорит нам автор, явно намекая, что эти «которые говорят» высказывают свое мнение уже какое-то время. Так что мы вправе проецировать возникновение слова Кенаан как обозначения славянских стран, по меньшей мере, на вторую половину IX в. Именно в IX в. Прага становится городом и быстро превращается в развитый торговый центр. В IX в. такая же судьба была и у Киева. Раньше IX в. все рассматриваемые нами области находились за пределами активных цивилизационных процессов, что практически исключало

реальную возможность появления в них организованных иудейских общин.

Исчезновение термина *Кенаан* следует, вероятно, также связать с общим историческим, экономическим, политическим и культурным фоном на данных территориях. В XIII в. Восточная Европа подвергается опустошительным монгольским нашествиям. Монголы полностью разрушают Киевскую Русь, подчиняют себе оставшиеся от нее территории, опустошают Польшу, частично Моравию, Венгрию, так что завоевания приводят к смещению полюсов власти и экономического и политического влияния в земле Кенаан. В результате этого исчезают старые домонгольские политические образования, те же, которым удается избежать его разрушительных последствий, наоборот, переживают подъем, сопровождающийся деструктивными для аборигенного населения этническими процессами.

Известно, например, что Чехия чудом избежала столкновений с монголами, монгольская рать прошла западнее через Моравию и вторглась в Венгрию. Результатом этого стало возвышение Праги как крупнейшего города в Центральной Европе, средоточия культурной, экономической жизни всего региона. Но возможно именно вследствие этого, в то время начинается активная германизация Чехии, не обошедшая стороной и еврейское население этой страны. Исследователи отмечают, что к XV в. еврейство Чехии уже было ашкеназским, хотя кенаанитский субстрат продолжает быть заметным в течение весьма долгого времени после этого. Об этом пишет крупнейший на сегодняшний день исследователь проблемы кенаанитов А.Бейдер (Beider 2001; Beider 2012). XIII в. был переломным в истории Евразии, особенно Восточной и Центральной части Европы. Похоже, что XIV в. является верхней границей, после которой историко-географическое понятие Кенаан более не встречается в еврейских источниках. Из этого, однако, не следует, что мгновенно исчезает и сама кенаанитская эда. Процесс «ашкенизации» (я благодарен за этот, пусть и неуклюжий, но необходимый для нашего исследования термин С.Асланову и переводчику его текста на русский А. Полян (Асланов 2010) западного, так и тем более восточного Кенаана занял не одну

сотню лет и оказал решающее влияние не только на уход самих кенаанитов с исторической арены, но и во многом на облик восточноевропейских ашкеназов, их языка и культурного характера. Можно предполагать, что последние следы славяноязычных евреев еще сохранялись на территории Речи Посполитой до середины, если не до конца XVII в.

Кенааниты: языковая характеристика

Повторю, что сегодня большинство исследователей раннесредневековой истории евреев не подвергают сомнению сам факт существования славяноязычной эды в Европе IX - XV вв. Однако есть и такие историки, которые, если не отвергают такую возможность, то, по крайней мере, игнорируют ее. Примером такого подхода является известный израильский медиевист А. Кулик. В своей работе о евреях Древней Руси (Кулик 2010) он исходит из византийского происхождения евреев, живших в Киевской Руси. Сама по себе такая возможность представляется весьма вероятной. Но, явно не приемля концепцию еврейских эдот, он полагает, что евреи из Византии должны были и на Руси продолжать говорить по-гречески, или на каком-то еврейско-греческом койне. Допуская, что эти евреи могли владеть и местными славянскими языками, А. Кулик не усматривает в этом характерную черту эды кенаанитов. Но для большинства ученых, повторю, факт существования кенаанитов не вызывает сомнения. Более того, совершенно очевидно, что факт разделения Кенаана на восточный и западный, не нашедший отражения в самой еврейской ономастике, следует считать центральным для нашей темы, так как Кенаан был без сомнения двуязычным - старочешским и древним восточнославянским.

На первом языке изъяснялись в качестве разговорного «еврейского» языка жители Западного Кенаана, расселенные в современных Чехии, Моравии, Силезии, Полабье, вероятно в Нижней Австрии, менее вероятно, в Штирии и Каринтии. На втором языке говорили, очевидно, евреи Восточного Кенаана, жившие в Киевской Руси, Галицко-Волынском княжестве, позже в Речи Посполитой и Великом Княжестве Литовском. Характер старочешского языка в еврейском употреблении не вызывает

сомнений и языковой материал представлен большим количеством глосс (наиболее известные в сочинении венского раввина Ицхака бен Моше (1180 - 1250) в сочинении «Ор Заруа»). Употребление им старочешских («кенаанских») глосс для разъяснения сложных понятий в *лешон а-кодеш*, подобно тому, как Раши объясняет их через старофранцузские (и старославянские, кстати, тоже!) глоссы, является свидетельством того, что это было не просто побочное знание языка окружающего населения при родном греческом, или, допустим, арамейском, но что язык глосс был родным разговорным языком его самого и его читателей, к которым он обращался. А. Бейдер (2012) на основании анализа антропонимического материала утверждает, что именно старочешский был основным языком Западного Кенаана и, и что кенаанские поселения в окружающих Чехию исторических областях (Полабье, Австрия, Малая Польша, Силезия) происходили, в конечном счете, из Чехии. Таким образом, центром Западного Кенаана была Прага.

Более сложным представляется характер того старочешского языка, которым пользовались западные кенааниты. М.Вайнрайх утверждал, что еврейские общины неизбежно должны были говорить на каком-то ином идиоме, чем их иноверные соседи, уже в силу их нехристианского и немусульманского образа жизни. (Weinreich 1980). Согласно его теории, эти «еврейские языки» везде представляли собой «языки-сплавы» (*fusion languages*), построенные по особой модели, отдаленно напоминающей контактные пиджин-креольские языки. Близкой, но более экстравагантной теории придерживается и современный израильский лингвист П. Векслер (Wexler 2002), вообще полагающий идиш славянским языком, пережившим процесс «релексификации» (Членов 2003). По его представлениям исходной популяцией для будущего восточно-ашкеназского населения была принявшая иудаизм группа лужицких сорбов, чей язык (предположительно язык кенаанитов) пережил серию тотальных смен лексики при сохранении структурных особенностей исходного языка. Так произошел, по его мнению, идиш, а вслед за ним посредством сходных лингвистических процессов также и современный иврит и эсперанто. Если, таким образом, исходить из вайнрайховской концепции, даже из векслеровской, то придется предположить, что западные

кенааниты говорили не просто на старочешском языке, но на особом еврейско-старочешском, который мог отличаться от своего славянского христианского аналога, скажем, так, как идиш от германского. Беда в том, что языковой материал, дошедший до нас, достаточно скуден и плохо изучен. То немногое, что есть, суммировано в труде польских филологов, к сожалению, оставшемся мне неизвестным (Kupfer, Lewicki 1956).

Специалисты утверждают, что именно еврейские глоссы кенаанского языка представляют собой одни из самых ранних памятников чешского (в широком смысле) языка, так что собственно чешский материал от этой эпохи отсутствует и сравнивать не с чем. Автор настоящего очерка не обладает углубленными знаниями в области славистики и не решается сам делать какие-то заключения на сей счет, хотя чисто теоретически гипотеза о существовании какого-то еврейско-чешского этнолекта звучит достаточно правдоподобно. Так или иначе, к XV, самое позднее к XVI в. этот этнолект исчезает, и западные кенааниты оказываются полностью ассимилированными в ашкеназской среде.

Языковой материал по Восточному Кенаану еще более скуден, чем западнокенаанский. В сущности, кроме сомнительных глосс XVII в. мы знаем только антропонимический материал, проанализированный в настоящем сборнике в статьях А.Бейдера (Beider 2012) и А.Торпусмана (Торпусман 2012) и аллюзию с обценным словом *yibbum*, дошедшую до нас со слов Ице из Чернигова (Вихнович 2013). Антропонимический материал достаточно убедителен, начиная со ставшего уже хрестоматийным прочтения одного из нееврейских имен подписавших «Киевское письмо» как *Гостята* (менее вероятно вторая интерпретация другого имени как *Северята*, еще менее вероятно попытка прочтения его как *Сирота*, а еще одного имени как *Кий*) (Торпусман 1989; Орел 1977), и кончая большим набором славянских по происхождению имен в еврейской среде после XVI в. в Великом Княжестве Литовском (Beider 2013; Торпусман 2013). Этот материал свидетельствует о том, что еще в раннем средневековье евреи включали в именник (особенно в женский) большое количество личных имен из языка окружающего населения. Сам по себе этот факт не нов. Известно, что использование нееврейских по происхождению имен никогда

не табуировалось в еврейском быту, и мы видим это явление повсеместно во всей широтности еврейской диаспоры. В данном случае мужское (в новгородских берестяных грамотах зафиксировано и как мужское, и как женское) имя Гостята, похоже, имеет восточнославянское происхождение, или зафиксировано только в восточнославянских источниках. Суффикс *-*ата* был продуктивным в новгородских говорах древнерусского языка. То же, видимо, можно сказать и об имени Северята, как, впрочем, и о слове, ассоциируемом с *yibbum*. В западнославянских языках оно звучало как **-еть* без согласного *б*. Эти весьма немногочисленные данные, дополняемые ссылкой на письмо салоницкого еврея, сообщающее о еврее паломнике из страны Русия, который не говорит ни на каком другом языке, кроме кенаанского, на котором говорят у него дома, позволяют весьма осторожно предположить, что разговорным языком евреев, живших в X - XIII вв. в Киевской Руси был какой-то вариант древнерусского языка. Как отмечалось выше, теоретические постулаты позволяют с большой долей вероятности предположить, что это был еврейский этнолект древнерусского.

В дальнейшем вплоть до XVII в. у нас нет никаких данных о характере языка восточных кенаанитов, пока не всплывают известные респонсы середины XVII в. раввина Могилева на Днепре Меира Каца. В одном из них говорится, что некий еврей в Вильне, стоя под хупой, так благословлял свою невесту....., в русской транскрипции «*я тиби естим мекадеш был*», или в переводе на современный русский язык «*я этим тебя освящаю*», что представляется калькой известной иудейской брачной формулы *ине ани мекадеш отах батабаат зо лефи хукей Моше веИзраэль* «*вот я освящаю тебя этим кольцом по закону Моисея и Израиля*». Возникает вопрос - к какому языку относится фраза, произнесенная неудачливым женихом в Вильне? Неудачливым, так как заявитель явно ищет на него управы у раввина. Ответ, наверное, только один - на восточном кенааните, единственный на сегодняшний день памятник которого представлен этой фразой. Еще один респонс того же Меира Каца содержит косвенный намек на то, что этот язык в то время еще существовал на территории уже бывшего к тому времени Великого Княжества. Раввина спрашивают: почему Бриск де Куя

в гетах пишется Бриск, а Бриск де-Лита 'בֵּרִיסק דֵּלִיטָא ?» Раввин отвечает: «Нет надобности писать нееврейское имя в случае Бриск де-Куя, так как все называют его только Бриск. А то, что в Бриске де-Лита в ходу другое название, неубедительно, потому что там вошло в моду у тамошних евреев говорить по-русски и они называют город Берести. Если пожелает Господь, наполнится мир знанием, и все будут говорить одним языком, языком ашкеназским, и называть город только Бриск.». Эти и еще несколько похожих примеров, иллюстрирующих употребление славянского языка там, где нормальный еврей должен говорить на идише, сопровождаются несколькими устными сообщениями у авторов XVIII и первой половины XIX в. о том, что по рассказам «старых людей» или «предков», евреи на Руси раньше говорили не на идише, а на русском языке. Обычно в специальной литературе подобного рода отсылки игнорируются в качестве исторического источника вследствие их поверхностности и из-за подозрения, что авторы специально сочиняли эти слова, дабы показать близость евреев к России и российскому народу. Возможно, в некоторых случаях это действительно так, но само по себе достаточное количество таких отсылок, а кроме того их совпадение с исторической реконструкцией средневековых кенаанитов, позволяет отнести к таким сообщениям с меньшей долей скептицизма.

Массовое использование славянских имен в еврейском именнике, однако, может указывать и на глубокое проникновение славянского языка в еврейский быт. Эта тема достаточно убедительно развивается в статье А.Бейдера в настоящем сборнике, который реконструирует позднюю историю восточных кенаанитов по данным антропоники. Отметим два вывода, имеющих очень важное значение для еврейской истории Восточной Европы.

Первый из них заключается в том, что исходной популяцией для ашкенизации еврейства Речи Посполитой и Великого Княжества были не некие абстрактные «евреи из Германии», бежавшие на восток, спасаясь от крестоносцев в XI в., или от «черной смерти» в XIV в., а преимущественно евреи из Чехии и окружающих ее областей, т.е. те же кенааниты, но ашкенизированные несколькими веками ранее.

Второй вывод заключается в конкретизации самого процесса ашкенизации, до этого имевшего исключительно абстрактные рамки. А.Бейдер на основании анализа личных имен и фамилий утверждает, что последние остатки кенаанитов, говоривших на славянском языке сохранялись, видимо, в западной части Великого Княжества, причем в XVII в. из двух главных еврейских общин Литвы гродненская сохранялась как кенаанитская, а брест-литовская уже была ашкеназской. (Бейдер 2013).

Суммируя все эти отрывочные данные, мы можем утверждать, что с X по XV вв. в Центральной Европе (Чехии, Моравии, Силезии, Малой Польше, Полабье, Верхней Австрии, возможно в частях Венгрии, Штирии и Каринтии) существовал язык западный кенаанит, особый еврейский этнолект, сложившийся на основе старочешского языка. В XV в. этот язык исчез, носители его ассимилировались в ашкеназской среде и перешли на идиш. Возможно, восточный идиш складывался именно в этой среде и из Западного Кенаана распространялся далее на восток в районы, где евреи говорили на восточном кенааните. Одно из свидетельств этого - изобилие оттопонимических еврейских фамилий в Восточной Европе, восходящих к различным географическим названиям в Чехии и других районах бывшего Западного Кенаана. Вероятно, с того же X в. по XVII в. существовал язык восточный кенаанит, особый еврейский этнолект, сложившийся на базе западных восточнославянских диалектов. Не исключено, что его основой мог служить стандартизированный государственный русский язык Великого Княжества Литовского, т.н. «русская мова», прямой предок позднейшего белорусского языка. К моменту разделов Речи Посполитой конца XVIII в. этот язык исчез, а говорившие на нем были полностью ассимилированы в идишской среде, в новой местечковой ашкеназской культуре, в формировании которой кенааниты сыграли, очевидно, не меньшую роль, чем прямые мигранты из Германии.

Происхождение кенаанитов

Этой проблеме уделялось, наверное, наибольшее внимание в целом достаточно скудном наборе исследований по этой теме. Сегодня общепринята гипотеза о существовании двух самостоятельных славяноязычных еврейских общностей: западных кенаанитов и восточных кенаанитов. Вопрос об их происхождении, видимо, следует рассматривать также отдельно. Сведения и о тех, и о других появляются практически почти одновременно (если считать киевское письмо источником по восточным кенаанитам, что далеко не очевидно) в X в. Первое упоминание термина *кенааним* (кенааниты) применительно к славянам, а также, видимо, к евреям, говорившим на славянских языках, мы фиксируем в "Сефер Йосиппон". В последующие несколько столетий этим термином еврейские источники регулярно называют славянские земли, самих славян и эпизодически евреев, как эду, обитающую в этих землях вплоть до XIV в.

Этногенез западных кенаанитов привлекал до сих пор меньше внимания исследователей, чем этногенез восточных кенаанитов. Объясняется это в основном тем, что восточных кенаанитов многие пытались связать с историей хазар, темой, привлекавшей многих ученых и еще более любителей, своей необычностью, даже экзотичностью.

О происхождении западной ветви практически нет никаких прямых источников. Они как бы внезапно появляются в Чехии в самом конце I тыс. н.э. в качестве торговцев, участвовавших в оживившихся после многих столетий великого переселения народов торговых связях. Не столько гипотезы, сколько, скорее, спонтанные высказывания о происхождении богемских кенаанитов, сводятся к нескольким соображениям. Во-первых, можно считать установленным, что они сформировались в самостоятельную славяноязычную эду. Приоритет этого открытия принадлежит выдающемуся филологу и историку Максу Вайнрайху (Weinreich 1980). Во-вторых, можно полагать, что этот богемский центр возник благодаря миграциям каких-то евреев того времени из относительно близлежащих районов, где, как известно из множества источников, евреи были более многочисленны, и более развиты, оставили после себя какие-то письменные свидетельства, и были более известны окружающим

народам. Районом, наиболее привлекавшим внимание исследователей, оказалась Византия, как самый вероятный исходный пункт еврейских миграций, заселявший центральную часть Европы. Этой точки зрения придерживался и сам М.Вайнрайх. Он писал: «Взгляд на систему рек ясно показывает, что западный Кенаан произошел из Явана. Через Влтаву, приток Эльбы, он связан с бассейном Дуная. Природа создала прекрасный мост от Черного моря до Северного через земли западных славян. Притеснения в Византии постоянно гнали евреев из дома» (Weinreich 1980:83). Он полагал, что еще в Салониках евреи осваивали какой-то южнославянский язык, а оттуда осваивали торговые пути в Подунавье, пробираясь туда через систему рек или через сегодняшнюю Венгрию и Австрию, или Адриатическим морем в Северную Италию, а оттуда опять же альпийскими перевалами в Подунавье и через Влтаву в бассейн Эльбы. Поиски греческих (или в еврейской терминологии «яванических») следов в истории западных кенаанитов, полагал М.Вайнрайх, могли бы подтвердить эту гипотезу. Греческое происхождение кенаанитов, правда, применительно к восточному Кенаану, отстаивает современный израильский историк А. Кулик (Кулик 2010).

Однако поиски эти пока оказались безрезультатны. А.Бейдер, проанализировавший антропонимический материал из ранних поселений в западном Кенаана, пришел к выводу, что никаких ориентализмов, которые позволили бы проследить корни Зап. Кенаана в Византии или на Ближнем Востоке нет, как нет и указаний на Италию. Лингвистически, независимо от их происхождения, они ассимилировались в славянскую среду и в 11-13 вв. говорили на языке, основанном на чешском вокабулярии (Beider 2013). Оригинальную концепцию выдвинул израильский лингвист П. Векслер. Суть ее сводится к тому, что предками восточноевропейских евреев были не еврейские мигранты, пришедшие туда, в конечном счете, из восточного Средиземноморья, а обращенные в иудаизм (кем? - МЧ) лужичане, или другие полабские славяне, изначально говорившие на своих славянских языках, которые, пережив процесс «релексификации» в Киевско-Полесском регионе создали предковую форму идиша (Wexler 2002). Отметим, что векслеровская теория не принята большинством исследователей

этой темы, из-за сомнительности теории «релексификации», отсутствия прямых источников, подтверждающих ее, и некоторого идеологического уклона (Членов 2003).

Где же и когда, в каком историческом и географическом контексте следует усматривать первые контакты между славянами и евреями в Центральной Европе? Однозначный ответ на этот вопрос не содержится в настоящем сборнике, однако, кое какие соображения можно высказать. Где в середине и второй половине I тыс. н.э. мы встречаем достаточно компактные еврейские поселения, могущие быть центрами какой-то коммерческой, прежде всего, торговой деятельности? Как это ни странно, мы имеем практически исчерпывающий список существовавших на то время еврейских эдот в знаменитом пассаже из Ибн-Хордадбега, о еврейских купцах *ар-Разанийя*, или *ар-Разани* в разных переводах с арабского/персидского языков звучащих как *радхания*, *радханиты* *раззаниты* и пр. Этот весьма короткий отрывок текста из его сочинения «Книга путей и стран», датированной концом IX в., как и следующий за ним отрывок о торговых путях русов, породил обширный корпус комментариев на протяжении XIX - XXI вв., в которых реконструируются социальные связи того времени и особенно маршруты торговых путей, связывавших между собой раннесредневековую эйкумену Старого Света.

Он начинается следующими словами: «Путь еврейских купцов Ар-Разанийя, которые говорят по-арабски, по-персидски, по-румийски, по-франкски, по-андалузски, по-славянски». (Ибн-Хордадбех §73б). Практически все комментаторы этой фразы исходили из предположения, что раззанийя представляли собой особую торговую корпорацию, чьи члены могли изъясняться на всех этих языках, что и позволяло им вести международную торговлю на огромных расстояниях. Попытки привязать раззанийя к какому-либо конкретному месту, из которого они начинали свой путь (высказывались в качестве вариантов Франция, Прованс, Аравийский полуостров, Сирия и др.) не привели к общепринятому заключению. Представляется, что причиной тому был неправильный общетеоретический подход. Скорее всего, Ибн-Хордадбех перечисляет не просто языки, которыми могли владеть еврейские купцы, а дает нам

исчерпывающий перечень существовавших на то время еврейских этнических групп, эдот, каждая из которых имела свой собственный разговорный язык, восходивший к языкам окружающего нееврейского населения. Первая эда, говорившая по-арабски, в еврейской топонимике того времени носила название *Йишмаэль* и расселялась на территории от Северной Африки, т.е. стран Магриба, до современного Ирака. Напомним, что сам Ибн-Хордадбех жил в Багдаде и поэтому естественно упоминает именно эту еврейскую общность как первую. Арабоязычные евреи продолжали жить на территории арабских стран вплоть до середины XX в., когда в результате ближневосточного конфликта они в основной массе переселились в Израиль, где и сейчас еще сохраняются остатки еврейско-арабских наречий. За ней естественным образом следует эда, по-еврейски называвшаяся *Парас-у-Мадай* (т.е. Персия и Мидия), расселенная на территории Большого Ирана, т.е. современного Ирана, Закавказья, Центральной Азии, возможно в средневековье включавшая в себя также Китай. Эта группа названа второй из-за территориальной близости к арабоязычным евреям, а также из-за того, что сам Ибн-Хордадбех, возможно, имел какие-то персидские корни.

За ними следуют грекоязычные евреи, эда, называвшаяся по-еврейски *Яван* (т.е. Иония), в X в. населявшая преимущественно Византию, а также, вероятно, югославянские и балканские территории, бывшие незадолго до этого в сфере влияния Восточной Римской империи. За Яваном следует *Сефарад* (т.е. Испания), где говорят «по-андалузски». Известно, что ранние сефарды говорили на вульгарной латыни еще до арабского завоевания, причем этот ранний еврейско-испанский язык сохранялся в определенной степени и в мусульманской Андалузии, так что указание на «андалузский язык» следует, видимо, понимать, как ссылку на какой-то романский язык, скорее всего, предок будущего ладино. Евреи, говорящие «по-франкски», - несомненно, евреи *Царфата*, где несколько позже, как нам известно из немалого количества источников, бытовал еврейско-французский язык, названный М.Вайнрайхом «западным лоэзом» и просуществовавший, вероятно, до конца

XIV в., т.е. до изгнания евреев из Царфата, после чего он был поглощен, как и кенаанит, идишем.

И наконец, завершают список евреи, говорившие по-славянски, в которых трудно усмотреть кого-либо иного, чем кенаанитов, которые именно в то время входили в число крупнейших еврейских эдот, населявших, как мы знаем, огромную территорию от бассейна Эльбы до бассейна Днепра.

За пределами этого списка остались собственно только несколько эдот. В их числе, например, небольшое количество арамеязычных евреев Курдистанского нагорья (по-еврейски они назывались *Таргум*), также дожившие на этой территории до середины XX в. Они располагались вдали от какого-либо морского побережья и занимались в основном не торговлей, а земледелием и ремеслами. Пропущены провансальские евреи, говорившие на еврейско-провансальском наречии, которые в представлении самих евреев были, скорее, частью Сефарада или Царфата, чем отдельной историко-географической областью. Не отмечены в списке евреи Рима, жившие под покровительством папского двора и не вовлеченные активно в мировую торговлю. Но главное, что, видимо, и смущало большинство исследователей этого топика, не упомянуты в списке евреи, говорившие по-немецки. А именно они, т.е. ашкеназы, для европейцев XIX - XX вв. и символизировали еврейство как таковое. Именно ашкеназы, а не давно исчезнувшие к тому времени сефарды Испании, царфаты Франции или кенааниты славянских стран были знакомыми для европейской культуры евреями, а их язык идиш, или еврейско-немецкий, в бытовом сознании европейцев был собственно «еврейским языком», на котором евреи общались между собой. Отсутствие ашкеназов в списке Ибн-Хордадбега легко понять, так как в конце IX в. их еще не существовало. Отделение Ашкеназа от Царфата, возможно, и от Кенаана происходит позже и реально Ашкеназ как отдельная эда появляется примерно в XI - XII вв., т.е. через несколько столетий после смерти Ибн Хордадбега.

Если принять предлагаемую мною версию, то становится понятным, что арабский автор имел в виду не какую-то таинственную купеческую корпорацию, раскинувшую свои сети

на весь Старый Свет, а крупные еврейские общины своего времени, которые поддерживали контакты и связи между собой и использовали их, в частности, в торговой деятельности. Вспомним, что в период между арабскими завоеваниями VII - VIII вв. и Крестовыми походами евреи были единственной группой, расселенной по обе стороны от мусульманско-христианской границы и умевшей общаться как между собой, так и с торговцами, принадлежащими к различным религиям. Реально полагать, что до появления итальянских торговых республик (Генуя, Венеция) и несколько позже португальцев, евреи контролировали основные торговые пути Старого Света.

Приведенный анализ текста Ибн Хордадбега не дает, тем не менее, ответа на вопрос о происхождении Западного Кенаана, хотя и несколько облегчает его решение. Ближайшие к Кенаану с запада были, конечно, сохранившиеся еще с римских времен еврейские центры в сегодняшней северной Франции и долине Нижнего Рейна, носившие, как мы знаем, еврейское название Царфат. Примерно одновременно с появлением Кенаана, т.е. в IX - X вв. из Царфата выделяется, вначале как его подразделение, Лотер, еврейская община романо-германского пограничья, затем перерастающая в т.н. Ашкеназ I, прообраз будущего ашкеназского еврейства Восточной и Центральной Европы. Однако усматривать в Царфате и Ашкеназе исконную популяцию для возникновения еврейского Кенаана нет никаких оснований. Обе эды существуют параллельно, и ряд источников подчеркивают их раздельность. Царфатским евреям и чуть позже ашкеназским Кенаан был известен, они поддерживали контакты друг с другом, но разными были не только языки, на которых они говорили, но отдельными были культура, обычаи, в том числе и галахические нормы. Известно, что вплоть до середины XX в. в Германии различались две галахические зоны - к западу и востоку от Эльбы, причем последняя считается в исторической литературе последним наследием Кенаана. Речь идет здесь о таких вещах, как употребление в пищу сыра и вина, изготовленного неевреями, выносе свитков Торы на гавдалу и пр. Ашкеназ, как известно, впоследствии ассимилировал Кенаан, но, безусловно, не он инициировал его.

Вайнрайх в числе возможных истоков Кенаана упоминал еще Хазарию, Иран (в который он включал Кавказ) и Северное Причерноморье (Weinreich 1980:85). Что касается последнего, то еврейское население в Крыму и на Таманском полуострове могло быть связано либо с Византией, либо с Хазарией, или с обеими. Однако считать его исходным пунктом еврейских миграций в Центральную Европу едва ли есть основания. По мнению наиболее авторитетного современного историка еврейства Крыма М.Кизилова с XI по конец XIII в. в Крыму вообще не было еврейского населения (Кизилов 2011:88). Причиной этому была не миграция их в другие части эйкумены, а крайне немногочисленное еврейское население уже и в хазарский период, источников по которому еще меньше, чем по Кенаану. Но даже если и считать, что еврейские поселения продолжали свое существование в районе бывшего Боспора и на Таманском полуострове, то никакими данными о предполагаемых переселениях оттуда в Чехию мы не располагаем. Повторим еще раз, что и ономастический материал из Восточного Кенаана, как это показано в работах А.Бейдера, пусть и позже XIII в., не обнаруживает грецизмов или набора имен, характерных для византийского ареала. Что касается миграций из Ирана или Закавказья, то такие, как было показано еще сто лет тому назад, имели место, но видимых следов в восточноевропейском еврействе не оставили. В принципе миграции из Ближнего Востока в Европу, несомненно, случались и могли серьезно влиять на этническое развитие европейского еврейства. Примером тому может служить реконструированное М.Вайнрайхом и впоследствии Д.Кацем и другими исследователями влияние арамейского разговорного на становление раннего идиша (Weinreich 1980; Katz 1985; Faber 1987). Таким образом, различные версии о заселении Полабья евреями с востока не находят пока каких-либо подтверждений в скудных источниках раннего средневековья.

Попробуем сформулировать еще одну возможную версию. Безусловный интерес с точки зрения происхождения западного Кенаана представляет собой восточная приальпийская зона на территории нынешней Австрии, Баварии, Словении, где проходила граница между германскими и славянскими землями в

VII - IX вв. Социально-экономической основой этого, возможно, первого из контактов, были торговые пути, в частности пути работорговли, которые обслуживали по многочисленным свидетельствам, в том числе и еврейские работорговцы. Откуда были они сами - пока не совсем ясно, но возможно, что они были связаны еще с провинциями Римской империи в Альпийской зоне, в том числе Норика и Паннонии I. О пребывании евреев в римский период в этой области мало, что известно. Провинция Норик была образована в 40 г. н.э., ее северной границей был Дунай. В V в. К северу от Дуная жил варварский народ руги, по видимому, германского происхождения, некоторые исследователи склонны видеть в этом этнониме сходство со словом *русь* и тем самым связывать их с упоминанием в Повести Временных Лет о «норцах, еже суть словени», как неких первославян. Это, впрочем, не относится к нашей теме.

В VI в. однако, расселение славян охватило уже и восточную приальпийскую зону, включая Среднее Подунавье, долину Дуная от Пассау до Виндобоны (будущей Вены). Уже в последние годы существования Западной Римской империи контакты через Дунай между римлянами и ругами приобрели достаточно интенсивный характер, если следовать «Житию Св. Северина», составленному Евгиппием. Сеть римских дорог, подходивших к городам лимеса на Дунае, была достаточно плотной. Однако в эпоху великого переселения народов система придунайской международной торговли была нарушена. На какое-то время центр связей между Балтикой и Средиземноморьем (т.н. «Янтарный путь») переместился из Богемии, которая известна была как торговый узел еще в первые века н.э. в более восточные области. Возникает «путь из варяг в греки» по Днепру, складываются пути из Центральной Европы по Дунаю на Балканы и далее напрямую в Константинополь. Дунай, впрочем, не был судоходен на всем пространстве от Вены до Черного моря. Суда, следовавшие из Центральной Европы в Византию, сворачивали западнее Железных ворот в долины Моравы и Вардара, откуда выходили в Эгейское море в районе Салоник. Торговый путь с севера Восточной Европы в Средиземноморье через Богемию восстанавливается, очевидно, в IX в., но становится особенно значимым в X в. после того, как вторжение мадьяр уничтожило

существовавшие на Среднем Дунае славянские княжества, в частности, Блатенское княжество, завоеванное венграми, и прервало на какое-то время судоходство по Дунаю на участке между сегодняшней Веной и Железными воротами.

Так или иначе, именно в X в. Прага становится крупным торговым и политическим центром и именно с этого времени в ней начинает существовать еврейская община. Строго говоря, первые упоминания о еврейском присутствии в Богемии относятся еще к IX в., упоминается некий еврейский врач, живший там еще в середине IX в., какие-то отдельные торговцы, заезжавшие туда (Шапира 2012). В X в. о них упоминает Ибрагим бен-Якуб, еврейский путешественник из Испании, посещавший Восточную Европу в 960-х гг.: «Город Прага построен из камней и извести. Он является самым большим торговым местом тех земель. В него прибывают из города Кракова русы и славяне с товарами. Точно так же приезжают к ним из земель турков мусульмане, евреи и турки с товарами и ходовой монетой. Вывозят от них рабов, олово и различные меха» (idrisi.narod.ru/ibrag_sch.htm). Из этого сообщения нельзя еще сделать вывод о присутствии в Праге постоянной еврейской общины, но о более прочных поселениях говорит упоминание в рассказе того же Ибрагима ибн Якуба «соляных копей евреев», расположенных на реке Салаве недалеко от «Мулдавы» (Влтавы – МЧ). Что касается сообщения, что евреи и мусульмане приезжают в Прагу «из земель турков», то под последними следует понимать, очевидно, венгров, к X в. уже прочно обосновавшихся в Паннонии и открывших снова торговый путь по Дунаю.

Следует полагать, что превращение Праги в крупный городской центр связано было именно с переориентацией дунайских торговых путей, ранее нарушенных из-за аварского, а затем славянского и мадьярского военных походов. Формально основание Праги как столицы чешского государства Пржемысловичей относится только к 880 г., когда еще полумифический князь Борживой перенес сюда свою резиденцию из расположенного неподалеку Левого Градца над Влтавой. Одно из наиболее ранних упоминаний о чехах содержится в т.н. «Баварском географe», иногда называемом также «Баварским анонимом» и датированном серединой или второй половиной IX в.

В списке описаний городов и земель к северу от Дуная мы встречаем этноним *Beheimare*, в котором издатели этого текста склонны усматривать богемцев, т.е. чехов. Про них говорится, что у них есть 15 городов. Это мало по сравнению с другими славянскими племенами. Так *Uuilci* (лютичи или уличи), имеют 95 городов и 4 области, *Marharii* (моравы) имеют 40 городов, а *Surbi* (сорбы) - 50 городов (www.vostlit.info/Texts/rus12/Bav._geogr/). Чехия IX в., видимо, пребывала еще в «доисторическом» времени, отголоски которого дошли до нас только в цикле легенд о Либуше.

Но уже в то время евреи, как я отметил выше, присутствовали на чешской земле. Свидетельством тому является интересный документ, датируемый первыми годами X в. - т.н. Раффельштеттенский таможенный устав, изданный от имени восточнофранкского короля Людовика IV Дитяти (893 [царствовал с 900г.] - 911). В этом коротком документе определяются размеры пошлин на разные товары, которые проходят через мытную заставу в районе современного Линца. Территория, на которой действовали эти пошлины, охватывала т.н. Восточную Баварскую марку и лежащий к западу от нее графский округ Траунгау (сегодняшний Линц) на территории современной Австрии на правом берегу Дуная. Речь в документе в числе прочего идет о таможенных льготах, которыми могли пользоваться торговцы из «баваров и славян» как местные жители, торгующие для своих собственных нужд. В отличие от них параграф IX устава постановляет: «Торговцы, т.е. иудеи и прочие торговцы, откуда бы ни явились, из этой страны, или из иных стран, платят законную пошлину, как за рабов, так и за иной товар, как всегда бывало во времена прежних королей» (vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/X/900-920/Raff_tamoz). В этом же документе говорится достаточно пространно о торговле солью, которая проходила через эту заставу. Вспомним в связи с этим о евреях, которые через полвека после этого владели соляными копиями в Чехии. Вывод, который можно сделать из этого, заключается в том, что с IX в. по крайней мере (фраза о «прежних королях» указывает на то, что этот порядок налогообложения иудейских купцов представляется таможенникам освященной традицией, а не новым), возможно и

ранее евреи обслуживали торговый путь, связывавший Богемию через Шумавский лес с бывшей римской провинцией Норик, откуда товары могли идти далее вверх по Дунаю в Германию или через альпийские перевалы в восточной приальпийской зоне в различные районы Средиземноморья. Некоторые историки полагают, что уже тогда возникает весьма важный для нашей темы торговый путь, связывавший Чехию с Русью (Назаренко 1990).

Кем были эти иудейские купцы, оставившие след в начале X в. в стратегически важном для торговли участке Среднего Подунавья между Пассау и Веной? Оставив в стороне рассмотрение византийской, иранской, хазарской гипотез, напомним, что в районе южного берега Дуная еврейские общины существовали еще в римский период, пусть о них не так много известий дошло до нас. Евреи, и даже организованные еврейские общины существовали на северо-западе Римской империи задолго до появления первых славянских государств. Напомним в частности, что община с синагогой и архисинагогами существовала совсем недалеко от сегодняшнего Линца и Праги в Эстергоме, древней столице Венгрии. Самая ранняя эпитафия, свидетельствующая о пребывании евреев на территории современной Венгрии - из Intercisa (сегодня Дунайварош) датируется началом 3 в. н.э. - эпитафия Cosmius, начальника таможни (sic! - МЧ) в Spondilla. Он обозначен как archisynagogus iudeorum. Популярное полуфольклорное сказание говорит о том, как евреи из Ратисбона (совр. Регенсбург) везли в пятницу товар из России в Венгрию (еще раз sic! - МЧ) и их повозка сломалась около Эстергома. Когда они починили ее и приехали в город, евреи уже расходились из синагоги. Приезжие были сурово оштрафованы за надругательство над шабатом. Наказание наложил глава общины Эстергома Калонимос бен Шабтай, живший там в XI в. Подальше отсюда, но тоже в придунайской области еврейские общины зафиксированы в Эскусе - древнем городе в римской Мезии, к северо-западу от современного болгарского города Плевен. Завоеванный римлянами, при Константине, Экус был соединен мостом через Дунай с древним городом Sucidava (сегодня Corabia в Румынии), что говорит о существовании здесь торгового пути из Мезии в Дакию. Там

найдена латинская надпись 2в. н.э. с менорой, свидетельствующей о наличии еврейского населения. В надписи упомянут «архисинагог» Иосиф. Есть греческие надписи 2 - 3 вв. Есть также надгробия еврейские паннонского и салоницкого происхождения. На одной из них имя - Maximinus Pannonus.

Несколько дальше, но все еще в пределах интересующей нас области бассейна среднего Дуная и его притоков, существовало еврейское поселение в Стоби центре римской провинции Македония Салутарис. Город существовал между началом II в. до н.э. и VI в. н.э., когда был окончательно разрушен аваро-славянскими нашествиями. В конце III в. подвергся разрушениям от нападений германцев, предположительно готов и герулов, в 447г. был разрушен гуннами, но после этого восстановлен. Большая часть сохранившихся построек относится к IV - V вв. н.э. В римский период в Стоби существовала еврейская община и синагога. Известно имя Клавдия Тиберия Полихарма, оставившего надпись, датируемую 165 г. н.э. со следующим текстом: «В 311г. Claudius Tiberius Polycharmos, называемый также Achyrios, отец (pater) синагоги в Стоби, проживший всю свою жизнь в соответствии с заветами иудаизма, построил в соответствии с принесенным мною обетом, здание в этом святом месте и triclinium вместе с tetrastoon, за мои собственные средства, не притрагиваясь к святому. Собственность и использование всех помещений в верхнем этаже остается за мной, Клавдием Тиберием Полихармом и моими наследниками пожизненно. Тот, кто захочет как-то изменить сделанные мной распоряжения, пусть заплатит 250 тысяч денариев Патриарху. Так я решил. Ремонт покрытия и верхних помещений должен быть выполнен мною и моими наследниками» Надпись написана по-гречески и была исполнена на колонне, обнаруженной в 1931 г. во вторичном использовании (www.jewish-heritage-europe.eu/macedonia/). Есть предположение, что реальная датировка надписи - конец III в., т.е. уже константиновское время.

Весьма деловой характер надписи не оставляет сомнений, что Клавдий Тиберий Полихарм был весьма зажиточным человеком, который мог позволить себе масштабные строительные работы, защищенные специальными юридическими

правилами. Предположение, что он мог быть торговцем, выглядит вполне реалистичным, особенно потому, что Стоби лежал на берегу Вардара, реки, служившей артерией на водном пути из Среднего Подунавья в Эгейское море. Раскопки в Стоби обнаружили две синагоги, из которых более поздняя датируется IV в. н.э. Приведенными примерами не исчерпывается информация о еврейском присутствии в северо-западных римских провинциях в эпоху поздней империи. Плотное заселение македонских римских провинций евреями отмечает в своем анализе Марморштейн (Marmorstein 1936). О евреях там сообщает Филон Александрийский, Деяния Апостолов (16:12-13;17;18).

Таким образом, мы можем смело утверждать, что накануне Великого переселения народов, а в некоторых случаях и во время его в районе Среднего Подунавья существовали организованные еврейские общины, расположенные вдоль торговых путей, связывавших варварские германские, дакские, фракийские, а после VI в. славянские, аварские, мадьярские, алано-сарматские племена с бывшими римскими провинциями. Как нам известно, торговые центры и рынки возникали там, где к транспортным артериям подходили римские дороги, проложенные на римской территории в данном случае вдоль южного берега Дуная. Возможно более тщательный анализ информации о римских дорогах и археологических изысканиях вокруг них, поможет пролить дополнительный свет на происхождение богемских евреев.

Евреи Римской империи, насколько мне известно, еще не были предметом серьезного антропологического или лингвистического анализа. Принято считать, что их разговорным языком был греческий, или яванит, в восточной части империи и латинский в западной (Weinreich 1980). Гречизмы обнаруживаются в более поздних еврейских языках, таких как лоэз и идиш. Но какие именно еврейские общины говорили по-гречески, а какие перешли на латынь, нам неизвестно. Как справедливо замечает С.Барон, если бы не изображения менор на эпитафиях, мы бы никогда не отличили еврейские могилы от римских, так как языком большинства таких памятников была латынь, а имена были римскими, пример чему мы видим, например, на надписи из Стоби, которая, хотя и написана по-

гречески, но имя ее исполнителя еврея явно латинское (Baron 1957:48). Судя по более позднему этническому развитию евреев в раннем средневековье в западной части империи, в частности, в Галлии и Испании, они достаточно рано перешли на латынь, которая, проделав сходную эволюцию с нееврейскими романскими языками региона, превратилась со временем в предковые формы еврейско-французского, еврейско-испанского и еврейско-провансальского языков. Резонно предположить, что и в районе Среднего Подунавья евреи к концу римской эпохи были скорее латиноязычны, чем грекоязычны. Однако мы замечаем, что за пределами Византийской империи евреи не сохраняли греческий в качестве разговорного еврейского языка. На Ближнем Востоке греческий, а позже и арамейский вытесняются арабским, на западе латынью, а в славянских землях Кенаана, очевидно, славянским.

Кроме скудных данных о возможном еврейском присутствии в Центральной Европе в «темные века» III - VIII вв., до нас дошли весьма туманные сведения о каких-то евреях, как-то влиявших на различные варварские народы интересующего нас региона (Bar-Itzhaq 2001; Мочалова 2009). Многие из таких легенд носят фольклорный характер, или даже характер поздних романтических рассказов, но обилие их именно в центральноевропейской зоне примечательно. Нигде в других странах мы не находим такого количества странных преданий, связывающих древнейшую историю стран с какими-то еврейскими странниками, или даже правителями. В. Мочалова склонна полагать, и я полностью согласен с ней, что в таких легендах отражена какая-то древняя реальность, отражающая раннее проникновение евреев в Центральную Европу и иудейское влияние в этих странах. Она заключает свою статью словами: «Почему в нашем распоряжении нет легенд, отражающих происхождение значительно более ранних еврейских общин Франции или Германии, где евреи селились с романских времен?» (Мочалова 2009:344).

Наиболее известна, например, польская легенда о происхождении династии Пястов. Она сохранила малопонятный образ какого-то Авраама Проховника, еврея, которому поляки предлагают возглавить их царство, но он отказывается в пользу

местного героя по имени Пяст. (Мочалова 2009). Происхождение легенды сомнительное, возможно, что она на самом деле еврейского происхождения, а не польского и вообще восходит к новому времени. Но она не одна такая. В том же XIX в. мы встречаем записи сомнительных легенд о пророчествах Либуши о грядущем приходе евреев в Чехию почему-то из Руси. Еще более темной выглядит зафиксированная в средневековых австрийских анналах легенда о царстве Judeosaptan в Австрии до установления христианства. В ней приведены имена нескольких предполагаемых иудейских правителей Австрии начиная с VIII в. до н.э. и до конца III в. н.э., некоторые из которых наводят на мысль о возможной еврейской этимологии (Рабон, Эффра, Самек, Натан, Саламет и др.), другие же не дают таких оснований (Сеннан, Лаптон, Маалон, Раптан, Зиппан и др.) (EJ, vol.10, p.326; <http://earth-history.com/Various/Compendium/hhc2ch04.htm>).

Но оставим в стороне сомнительные легенды, нередко используемые в качестве аргументов сторонниками т.н. хазарской теории, считающей ашкеназов потомками хазар. Вместе с прочими данными они могут служить указаниями на то, что во второй половине I тыс. н.э. евреи были известны жителям Центральной и Восточной Европы. Уже одно упомянутое выше письмо болгарского правителя Бориса I римскому папе в 866г. говорит о том, что еврейская галаха ему была известна, по меньшей мере, не хуже, чем христианский закон. Евреи присутствуют в раннесредневековой истории Венгрии сразу после «завоевания родины мадьярами». Наконец, проникновение иудаизма в среду авар зафиксировано поразительными памятниками Челаревского могильника VII -XI вв. в Воеводине.

Все эти разрозненные и часто туманные данные, тем не менее, позволяют предполагать существование в поздней античности еврейской популяции селившейся вдоль Дуная и его притоков (Драва, Сава, Энс, Инн, Тиса и др.) примерно от Регенсбурга до Буды. Можно полагать, по крайней мере, по немногим сохранившимся антропонимам, что в римскую эпоху эти евреи говорили на каком-то варианте «вульгарной латыни». Впоследствии во время великого переселения народов оставшаяся часть римлян, среди них и евреи, осваивают также и левый берег Дуная и со временем переходят на языки нового населения этой

зоны. Торговым лингва-франка в восточном направлении от сегодняшних Пассау и Линца стал с IX - X вв. славянский язык в его проточешской форме. На запад от этой же границы возобладал германский язык в его баварской форме. Напомним, что современная лингвистика считает, что предковая форма восточного идиша возникла не в Рейнской Франконии, а в Баварии (Faber 1987).

Таким образом, может быть предложена следующая рабочая гипотеза. В конце I тыс. н.э. европейское еврейство переживает процесс формирования эдот, этнических образований, характеризуемых спецификой языка, территории и бытовой культуры, и объединенных культурной традицией и идеологией в надэтническую цивилизационную еврейскую общность. Еще в середине I тыс. н.э. складывается еврейская популяция в районе Восточной Приальпийской зоны, основу которой могли составлять существовавшие еще в римскую эпоху общины долины Дуная. В районе Среднего Подунавья в IX в. складываются сразу две крупные эды - западная казанская в Чехии на базе еврейско-чешского кенаanita, и восточная ашкеназская на базе баварского прото-идиша в бассейне Дуная от Регенсбурга через Пассау до Вены. Одновременно с этим в долине Рейна возникает и западная ашкеназская эда, отделяющаяся от Царфата. Вначале до XII в. она носила название Лотер, от топонима Лотарингия, и пользовалась, вероятно, средненемецкими или алеманнскими вариантами немецкого языка. Этот рейнский идиш или поглощается впоследствии баварским прото-идишем, или становится предковым языком по отношению к какому-то из диалектов западного идиша, например, эльзасского или голландского.

Вопрос о происхождении восточного Кенаана представляется не менее сложным. Строго говоря, о нем известно гораздо меньше, чем о богемском еврейском центре. Ранних языковых свидетельств почти нет, если не считать имени Гостята, красиво выявленного А. Торпусманом из «Киевского письма», и обозначения совокупления как *ubwm* (Торпусман 1989; Вихнович 2013). Но сам по себе факт непрерывного присутствия евреев на территории земель, входивших в состав Киевской Руси и юго-восточной Польши, не подлежит сомнению. Немногочисленные

свидетельства в пользу такого предположения были недавно суммированы и достаточно убедительно проанализированы в работе А. Кулика (Кулик 2010). Напомним, что к ним относятся весьма разнородные источники. Среди них «Киевское письмо», беглые упоминания евреев из Руси в ашкеназских источниках XII-XIII вв., неоднократные упоминания евреев в Повести Временных лет, других летописных сочинениях, эпизодические упоминания о евреях, преимущественно Тмутаракани в греческих и восточных источниках (Феофан и Ибн-аль-Факих), корпус топонимов, в апеллятивов которых можно усматривать (а можно и не усматривать) какие-то отсылки к евреям, иудеям, хазарам (Архипов 1984).

Впрочем, наиболее серьезным источником по истории Восточного Кенаана, а может быть и вообще истории всех кенаанитов на сегодняшний день представляется антропонимика. т.е. корпус личных имен, употреблявшихся в еврейских общинах региона на протяжении веков. Уже давно было отмечено, что набор личных еврейских имен специфичен для каждой еврейской этнической группы. Фамилии тоже самые разные у разных эдот, но они появляются только лишь в новое и новейшее время и тем самым отношения к нашей теме не имеют. Не являются исключением и имена, бытовавшие среди евреев Центральной и Восточной Европы. Огромный антропонимический материал суммирован в работе крупнейшего на сегодняшний день специалиста по еврейской антропонимике А.Бейдера (Beider 2013). В работе А.Торпусмана (Торпусман 2013) реконструируются еврейские личные женские имена, образованные от славянских апеллятивов.

Что дают нам все эти разнообразные источники для понимания проблемы восточных кенаанитов? Самым ранним и самым оригинальным, выпадающим из ряда прочих источников, упоминанием евреев в Киевской Руси следует полагать т.н. «Киевское письмо». Напомним, что это деловой документ, повествующий о неудачной финансовой сделке, в результате которого еврейская община Киева взяла на поруки своего члена Якова бар Ханука и отправила его, как бы мы сказали, на сегодняшнем русском новоязе «с целями фандрейзинга» к другим святым общинам дома Израилева. В конечном счете, документ

был обнаружен среди коллекций Каирской генизы и впервые опубликован палеографом и историком Н.Голбом и историком и востоковедом О.Прицаком в 1982г. (Golb, Pritsak 1982). Письмо написано на превосходном литературном иврите, стилистика обнаруживает знакомство с традицией школы пайтанов Калира. Вообще создается впечатление, что авторами документа были не какие-то случайно забредшие в неведомые земли путники, а члены хорошо организованной и связанной с внешним еврейским миром общины.

Что можно сказать об этой общине? Авторы первой публикации «Киевского письма» датировали его началом X в. и приписывали его авторство еврейской общине Киева. Оба этих тезиса подвергались сомнению в ряде последующих публикаций (Эрдаль 2005; Шапира 2010, Якерсон 2013 и др.). Место изготовления письма в Киеве кажется некоторым исследователям неверным, и они предлагают считать киевскую общину получателем письма, а не отправителем. По мнению Д.Шапира письмо могло быть написано не в Киеве, а в Преславце-Киевце на нижнем Дунае (Шапира 2010). Строго говоря, это предположение не меняет сути дела, так как оставляет неоспоренным сам факт существования еврейской общины в Киеве во время написания письма. Некоторые исследователи, впрочем, подвергают сомнению и возможность прочтения топонима *Кийов*, ссылаясь на то, что первая буква в этом слове стерта. Представляется, однако, что локализация авторов письма именно в Киеве оправдана, в том числе наличием славянского имени Гостята среди пописавших его свидетелей, составляющих миньян общины. Отметим, что это имя известно либо как мужское, либо как женское преимущественно с территории Руси, более конкретно Великого Новгорода, оно встречается несколько раз в текстах берестяных грамот примерно того же времени, что и «Киевское письмо». Периодизация письма подвергнута палеографическому анализу в работе С.Якерсона, публикуемой в настоящем сборнике Автор приходит к следующему выводу: «нет сомнения в том, что перед нами достаточно ранний документ европейского происхождения, относящийся к первому этапу формирования Каирской генизы (по XII в. включительно)» (Якерсон 2013). Этот осторожный

вывод, по крайней мере, не исключает возможности датировки «Киевского письма» X в.

Особый интерес вызывает набор личных имен персонажей «Киевского письма». Помимо библейских имен патриархов, которые, как справедливо отметил Н.Гольб, характерны для прозелитов, в письме есть также несколько постбиблейских еврейских имен, одно или несколько славянских имен, в т.ч. уже упомянутый выше знаменитый Гостята, а также ряд неизвестных имен, которые О.Прицак интерпретировал как тюркско-хазарские. Интерпретация последних подвергалась неоднократно критике, но пока никто не предложил более убедительных версий. Среди постбиблейских имен привлекает внимание имя Ханука, неоднократно рассматривавшееся в различных работах (Golb, Pritsak 1982, Beider 2001, Beider 2013 et al.). Примечательно, что это имя мы встречаем также в списке хазарских правителей в письме кагана Иосифа Хасдаю ибн-Шапруту. Среди современных еврейских общин имя Ханука/Хануко по-прежнему осталось популярным только в общине горских евреев Восточного Кавказа, причем оно употребительно среди всех субэтнических групп от Нальчика до Кубы. В качестве очень редкого имени Ханука зафиксировано у грузинских, бухарских, тунисских евреев, у крымчаков и даже среди караимов, где оно не должно было бы встречаться, так как караимы не отмечали праздник Ханука. Упоминание Н.Гольбом этого имени среди йеменских евреев ошибочно, в качестве личного имени оно не было там употребительно, только в качестве обозначения патронимической группы. У европейских евреев оно не встречается вообще. Второе постбиблейское имя, встречающееся в «Киевском письме» - Синай специфично для древней Руси, упомянуто несколько раз на Волыни, в Киеве, у выходцев из Руси в Испании (Beider 2001). Заслуживает упоминания также почти анекдотическое упоминание в русских летописях некоего выходца из Волжской Булгарии по имени Амбал (или Анбал) Ясин, которого также называли Амбал Жидовин. В отличие от всех прочих упоминаний о евреях того времени Амбал и его спутник Офрем Моизич появились во Владимиро-Суздальском княжестве и прославились как участники заговора против князя Андрея Боголюбского и его убийства в 1174г. Во Владимире оба этих сомнительных еврея

были в качестве чужестранцев, и ничто не указывает на возможность существования в северо-восточной Руси организованной еврейской общины. Прозвище Ясин указывает на алано-осетинскую связь этого персонажа. Каган Иосиф упоминает, что часть алан приняли иудейскую веру. Веком позже Плано Карпини, проезжая в монгольскую ставку, перечисляет завоеванные монголами народы, среди которых *Comani Brutachi, qui sunt Iudii*, т.е. «команы брутахи, которые суть иудеи» (Плано Карпини §II). Под «брутахами» некоторые комментаторы этого текста понимают буртасов, ираноязычный или финноязычный народ, обитавший в бассейне Северского Донца, Верхнего Дона и Среднего Поволжья в IX - XIII вв. Все эти туманные упоминания об аланах, аварах из Челарево, кайбарах-иудеях, брутахах, сомнительные данные о талмудической терминологии в вокабулярии чувашского язычества, Амбал и Офрем Моизич и пр. все вместе могут рассматриваться как намеки на то, что иудаизм в Восточной Европе до монгольского завоевания не ограничивался только хазарами

Все эти данные позволяют предположить, что еврейская община в Киевской Руси в X - XII вв. не была изначально связана с Западным Кенааном и имела восточное происхождение. Хазарские связи ее гипотетичны, но исключить их нельзя. В последующие века вплоть до XVII в. следы евреев на территории Древней Руси сосредотачиваются в основном в Червонной Руси, Волыни, на землях, вошедших с XIV в. в Великое княжество Литовское, впоследствии в Речь Посполитую. В отличие от киевской общины X в. эти более поздние восточные кенааниты могли контактировать с Западным Кенааном и испытывать определенное влияние с его стороны, что, в частности, подтверждается проникновением в их среду антропонимов чешского происхождения. Антропонимический материал XIV-XVII вв. указывает на прогрессирующую ашкенизацию восточных кенаанитов, закончившуюся концом XVII в., но также и на бытование у них какого-то восточнославянского языка, скорее всего, т.н. «русской мовы», предка белорусского языка. А.Бейдер обращает внимание на разницу в еврейских именниках Бреста и Гродно в XV - XVI вв., указывающую, что брестские евреи уже говорили на идише и возможно были выходцами из

Западного Кенаана, уже подвергшимися ашкенизации, а евреи Гродно предположительно относились к кенаанитам и жили там уже несколько веков. Наконец, еще раз упомянем известные респонсы могилевского раввина Меира Каца начала XVII в., в которых содержатся сведения о бытовании славянского (русского?) языка у евреев Украины и Белоруссии, в том числе и единственная дошедшая до нас фраза брачной формулы на этом языке (см. выше).

Скудость источников едва ли дает возможность сформулировать внятные гипотезы о происхождении многочисленных восточных кенаанитов. А.Бейдер в статье в настоящем сборнике высказывает предположение о гетерогенном происхождении доашкеназского еврейского населения Руси. Одним из элементов можно считать восточный (хазарский ?) компонент, наиболее ранний пласт, оставивший «Киевское письмо». А. Кулик приводит ряд аргументов в пользу версии о византийском происхождении евреев Киевской Руси (Кулик 2010). С. Асланов оспаривает эту точку зрения и считает, что «часть первых евреев, поселившихся в славянских землях, мигрировали туда из Вавилонии через Кавказ или из Персии через побережье Каспийского моря и далее по Волге» (Асланов 2010, с.399). Фольклорные данные, скорее всего, основанные на исторических событиях, относят переселение караимов из Крыма в Литву и Галицию к XIV в. Не исключено что эти миграции, вызванные походами литовского князя Витовта, могли увлечь и какое-то число евреев. Но караимы, как, впрочем, и тюркоязычные армяне на Украине, сохранили при этом переселении тюркский джагатайский язык, лингва-франка Золотой Орды. Подобных следов у евреев Восточной Европы мы не находим. Чисто лингвистически доказать предположения о миграциях с Кавказа, Ближнего Востока или Ирана и Средней Азии сложно, так как язык восточных кенаанитов остался нам неизвестным, а в идише отсутствуют какие-либо внятные иранизмы, тюркизмы или арабизмы, что можно было бы ожидать, если бы они присутствовали в восточном кенааните и перешли оттуда в восточный идиш.

Но практически все исследователи сходятся во мнении, что гипотетические «исходные» языки, с которыми предки

кенаанитов приходили в Восточную Европу исчезли, не оставив следа. Славянский язык окружающего нееврейского населения, а может быть, и элементы западного кенаанита в Центральной Европе, и оказался единственным языком общения для гетерогенных еврейских пришельцев. На основе этого языка и сформировалась восточная кенаанская общность, менее выраженная, чем западная. Она просуществовала, как уже неоднократно упоминалось на этих страницах, вплоть до середины XVII в., когда была окончательно ашкеназирована и перешла на идиш. Среди ряда причин, приведших к распаду кенаанитской эды, следует упомянуть трагические для еврейского народа последствия т.н. «хмельниччины». Примечательно, что анализ имен и фамилий ашкеназов Российской империи указывает на то, что идишский компонент был принесен в Речь Посполитую во многом уже ранее ассимилированными западными кенаанитами.

ИТОГИ

Период IX - XI вв. занимает особое место в этнической истории народов Европы. Ему предшествуют полтысячелетия драматического коллапса т.н. «великого переселения народов», приведшие к почти полной перемене не только политической карты Европы и Ближнего Востока, но и этнического и языкового состава всего огромного региона, в котором формировалась в античную эпоху основа будущего европейского цивилизационного и культурного единства. Исчезнувшая еще в V в. Римская империя, как и ее средневековый наследник, известный под названием Византии, продолжают оставаться в сознании обновленной Европы символическим образом этого единства на многие века, несмотря на смену религий, языков, границ, базовых культурных понятий. В горниле нашествий, завоеваний, переселений исчезают целые крупные этнические комплексы, например кельтские общности, еще накануне этой эпохи заселявшие значительные пространства западной и

центральной Европы, к концу ее оставшиеся только в труднодоступных частях Британских островов и небольших анклавах на атлантическом побережье Франции. Экспансия разрозненных германоязычных племен вначале сметает древнее население восточной части континента, не только кельтов, но и фрако-иллирийские племена Балкан, маргинальные этнические группы альпийской зоны. Германское владычество распространяется на какое-то время на Италию, Галлию, Пиренейский полуостров, достигает Северной Африки. Повсеместно германцы вступают в культурный и языковой симбиоз с остатками аборигенного населения вновь завоеванных территорий. На востоке континента осевшие там на какое-то время германские племена уже в VI - VII вв. уступают новым завоевателям и мигрантам, неизвестным в римскую эпоху - славянам и выходцам из Центральной Азии аварам, а затем уже на исходе великого переселения и вторженцам с далекого Урала угроязычным венграм. К ним следует добавить и других более ранних мигрантов с Востока, участвовавших в разгроме Рима и дележе римского наследства - дальневосточных гуннов, ираноязычных алан, тюркоязычных болгар и прочих не столь известных кочевых и полукочевых образований с экзотическими именами - уттигуров, кутригуров, савиров и т.д. В этом же контексте, строго говоря, можно понимать и вторжение семитоязычных аравийских бедуинов в VII в., покоривших не только все южное «подбрюшье» Рима на Ближнем Востоке и в Северной Африке, но и весь старый древневосточный иранский культурный мир.

Все это почти хаотическое нагромождение, переселение, завоевание, разгром, грабеж, уничтожение древних культурных центров не случайно носит в историографическом вокабулярии название «темных веков». На протяжении нескольких столетий устоявшая традиция римской, ближневосточной, даже византийского летописания, вообще письменной культуры, почти замирает. Количество дошедших до нашего времени письменных источников от эпохи V - VIII вв. ничтожно по сравнению с предшествующим периодом, не говоря о последующем. О многих важных историко-культурных, политических, этнических процессах мы можем лишь гадать, реконструируя их по

косвенным, а не прямым источникам. Но к IX в. туман «темных веков» начинает понемногу рассеиваться. Место многочисленных племенных образований начинают занимать привычные для нас и сейчас этнические и национальные образования. Так, вместо мало понятных нам алеманов, герулов, саксов, готов и подобных им племен начинает складываться общность, сегодня именуемая немцами. Галлы, франки, остатки римлян начинают консолидироваться в протофранцузскую общность. На Пиренейском полуострове нагромождение разнородных мигрирующих племен - вестготов, иберов, свевов, алан, басков и др. еще в эпоху вестготского королевства начинает смутно обретать какие-то черты будущих испанцев и португальцев. Арабское завоевание на многие века включает эту европейскую периферию в мусульманский культурный ареал, но собственно испано-португальский этнический центр возникает именно в конце I тысячелетия на контактном взаимодействии всех этих компонентов. На востоке континента появляется Киевская Русь, в X в. присоединившаяся к византийскому культурному ареалу, который она, в конечном счете, унаследует. Британия, Скандинавия, хотя и продолжают оставаться европейской периферией, но перестают к концу тысячелетия быть сценой массовых миграционных исходов и столь же массовых иноземных вторжений. Короче говоря, в IX - X вв. после многосотлетнего кошмара наступает социально-политическая и этническая стабилизация, в которой просматриваются контуры дожившего до наших дней этнического, языкового и даже социально-политического облика Европы.

Как вписываются в эту картину евреи, чья этническая композиция ко времени их вхождения в Римскую империю уже была достаточно сложной. Основу ее составлял численно наиболее многочисленный древний этнический центр в Иудее/Палестине, говоривший, видимо, в основном на западном диалекте арамейского языка. От него ответвились в античный период два диаспорных центра - в египетской Александрии, где евреи говорили в быту по-гречески, и в парфянском, позднее Сасанидском Иране (в еврейской традиции в Бавеле, т.е. Вавилоне), где разговорным языком был восточный диалект арамейского языка. Древнееврейский иврит во всех этих трех

регионах еврейского расселения уже повсеместно вышел из разговорного употребления, превращаясь в метаязык цивилизации, или даже в мертвый язык религии, хотя есть основания полагать, что он еще вплоть до II в. н.э. продолжал выполнять коммуникативные функции среди простонародных слоев населения Иудеи (Членов 2002). Отметим здесь сразу же особенность этнических процессов среди евреев, сохранившуюся, пусть и своеобразной форме в последующий период диаспорного существования. Евреи легко переходили с одного языка вербальной коммуникации на другой, сохраняя «верность» лишь метаязыку, выведенному за пределы бытовой разговорной сферы. Весь ближневосточный регион Азии до арабского завоевания говорил на арамейском языке, и евреи сравнительно легко заговорили на нем, хотя оба бытовавших среди них диалекта этого языка выработали достаточно быстро этнолектное своеобразие, проявившееся в языках соответственно Иерусалимского и Вавилонского Талмудов. Так же и в античном Египте, где евреи составляли часть античной социальной категории «эллинов», они легко перешли в вербальном коммуникативном употреблении на греческий. Не случайно именно на этих двух языках были созданы первые переводы Торы. Первый, т.н. Септуагинта, лег в основу будущей христианской версии т.н. Ветхого Завета, второй - т.н. Таргум Онкелоса вошел в корпус сакральных писаний иудаизма.

Период «темных веков» стал для евреев эпохой самых фундаментальных и болезненных изменений в сфере их этнической и культурно-религиозной идентичности за всю их историю вплоть до XX в. Уже в эпоху позднего Рима серия неудавшихся восстаний против римского владычества приводит постепенно к исчезновению самого этнического центра, еврейского населения Иудеи и окружающих области в восточном Средиземноморье. Евреи остаются только в диаспоре, где неизбежно продолжило происходить распадение прежде относительно гомогенной этнической древневосточной общности и превращение ее из этнической в цивилизационную, состоящую из набора самостоятельных этнических групп, *эдот*, каждая из которых обладала спецификой языка, территории расселения, бытовой материальной и духовной культуры, т.е. теми

признаками, которыми бытовое сознание характеризует *народ*, как этническую единицу. Цивилизационное единство этих эдот обеспечивалось внеэтнической культурной общностью, наиболее ярко воплощенной в религиозной философии иудаизма, но не в практике исполнения религиозных заповедей, которая определялась этнической спецификой той или иной *эды* (Членов 1999; Членов 2009). Очевидно, что переход от пусть начавшей распадаться, но все-таки еще обычной для античного мира этнической общности, обладавшей своей землей, языком, специфической культурой и особой религиозной системой, к набору достаточно разнородных групп, объединенных «изгойским» статусом в христианско-мусульманском единообразии послеримской эйкумены, был нелегким, болезненным и длительным.

Подробности этого важного этнического процесса на протяжении «темных веков» остались скрытыми от нас. За исключением т.н. «вавилонского» еврейства, создавшего Талмуд и комплекс связанных с ним текстов (мидраши, барайты, и пр.), по которым мы можем с достаточными подробностями реконструировать их жизнь, истоки остальных средневековых эдот остаются почти не освещенными источниками. Так, например, мы можем с достаточным основанием полагать раннее, еще в римский период появление евреев в сегодняшних Испании, Италии, Франции. Но уже появление собственно сефардов, как особой этнокультурной общности, мы можем фиксировать только начиная с того же периода IX - X вв. До этого, максимум, что мы можем утверждать, что какие-то евреи селились на этой территории, не более того. То же относится и к евреям Франции. Реально мы можем что-то понять о царфатим, как самостоятельной эде только начиная с IX - X вв. До этого мы ничего о них не знаем, ни на каком языке они говорили, ни как и где жили, ни даже об их религиозном облике мы почти ничего не знаем. Не знаем, как происходило принятие ими раввинистического иудаизма, которого еще не существовало в римский период, когда они предположительно стали селиться в этих отдаленных европейских провинциях империи. Иными словами, евреи разделили со своими европейскими соседями «темноту» темных веков. И поэтому также еврейская история

раннего средневековья, безусловно, подтверждает концепцию С.М.Дубнова, видевшего в евреях соучастников и сосоздателей европейской цивилизации (Дубнов 1907). Иными словами, когда рассеивается туман, покрывавший европейскую историю второй половины первого тысячелетия, мы застаем евреев, уже представленными в виде различных этнических групп, эдот, образовавшихся параллельно, но не идентично со столь же новыми христианскими и мусульманскими народами Европы и Ближнего Востока.

Первый перечень этих эдот мы обнаруживаем в знаменитом сочинении арабо-персидского автора Ибн Хордадбега, жившего в IX в. Перечисляя языки, на которых говорят еврейские торговцы его времени, он фактически называет языки, на которых говорили различные эдот - арабский, фарси, испанский, французский, греческий славянский. Примечательно, что у него мы не встречаем упоминания немецкого языка, так как формирование ашкеназской эды следует отнести к более позднему времени. Первые сведения о славяноязычных евреях средневековья относятся, таким образом, к IX в. В X в. мы впервые встречаем их новый этноним - кенааниты, название очевидно книжного происхождения, почерпнутое из библейской Книги пророка Овадии (Авдия). Достаточно быстро образуется и народная этимология, апеллирующая к рабскому статусу библейского Ханаана, сына Хама, как аллюзии на славян, к которым относилось большинство невольников, обращавшихся в то время на путях работорговли. Наиболее раннее известное нам письменное употребление этого этнонима применительно к славяноязычным евреям встречаем в тексте «Сефер Йосиппон», составление которого большинство исследователей относит к X в.

Географически первоначальное формирование кенаанитов как эды происходило в Среднем Подунавье от сегодняшнего Пассау до примерно Эстергома, или Буды, и на территории междуречья Дуная и Эльбы. Этнически кенаанитские общины возникали, вероятно, на основе сохранившегося с римских времен еврейского населения восточной приальпийской зоны, пополнявшегося мигрантами из Византии, балканских стран, германского Подунавья и Прирейнской области. Экономически в этом районе пересекались торговые пути из Балтики в южную

Европу («янтарный путь»), и протянувшийся с запада на восток торговый путь, связывающий восточную приальпийскую зону с Восточной Европой. Политически центром этого ареала с X в. становится Чешское княжество. Старочешский язык образовал основу формирования кенаанитского языка, представлявшего собой, насколько можно судить по скудным источникам, еврейский этнолект западнославянского (чешского) средневекового языка. В период IX - XIII вв. ареал западного Кенаана охватывал, таким образом, обширную территорию, включавшую сегодняшние Чехию с Моравией, какую-то часть Полабья, Силезию и Галицию, возможно, Малую Польшу. Антропонимические источники позволяют усматривать центр расселения кенаанитов именно в Чехии, отсюда они заселяли более западные и северные регионы. Западные кенаанитские общины были относительно многочисленны, можно говорить о не менее 10-15 организованных общинных центрах с населением, вероятно, в несколько тысяч человек. В культурном и религиозном отношении кенааниты центральной Европы тяготели к царфатско-ашкеназской еврейской общине. Сохранились фрагментарные сведения о кенаанитах, посещавших известные центры тосафистов в сегодняшних Германии, Франции и даже Англии. Именно в еврейских источниках Царфата и раннего Ашкеназа встречаются наиболее частые упоминания о кенаанитах. К XII - XIII вв. относится и самостоятельная религиозная школа в Западном Кенаане, создавшаяся, видимо, не без ашкеназского влияния. К XIII-XIV вв. интенсифицируется германизация чешских земель и одновременно с этим происходит и первая ассимиляция кенаанитов ашкеназами. К XV в. славянский язык исчезает из употребления в кенаанитской общине и вытесняется идишем.

К раннему средневековью относятся и относительно частые упоминания о присутствии евреев на Балканах: в Византии и Болгарии. Более того, существуют косвенные данные о том, что евреи этого региона могли владеть и старославянским языком, предком современного болгарского и церковнославянского языков. Несомненно, существовали контакты между кенаанитами Центральной Европы и евреями Византии, Болгарии и подчиненными этим двум государствам славяноязычными

областями. Однако из этого еще не следует, что ареал кенаанитов включал в себя также и Балканы. Одной славяноязычности было недостаточно. Насколько нам известно, применительно к болгарским и византийским евреям термин «кенааниты» нигде не применяется. Поэтому до появления каких-то новых источников включение балканских евреев в эду кенаанитов не имеет основания. Более вероятно их отнесение к историко-культурной области Яван, т.е. Византии.

По иному можно интерпретировать еврейское население лежащих к востоку от Чехии и Польши русских земель, в широком смысле этого слова. Раннее присутствие евреев на территории Киевской Руси достаточно хорошо документировано и не подвергается сомнению большинством современных исследователей. Славянское языковое влияние фиксируется у этой общины, начиная с самого раннего памятника, т.н. «Киевского письма». В XI-XIII вв. появляются документальные свидетельства о том, что язык евреев из Киевской Руси носил название «кенаанского». Об этом свидетельствуют высказывания Ице из Чернигова и письмо-подорожная, выданная салоникской общиной некому еврею из страны «Русиа», который знал только язык кенаанский той страны, где он обитал. Таким образом, с того же X в. в Киевской Руси жили евреи, именовавшие свою страну Кенааном и пользовавшиеся славянским, скорее всего, древнерусским языком как средством вербального общения. Другой вопрос - в какой степени эти восточные кенааниты осознавали свою близость с западными кенаанитами? Этнически они, похоже, включали в себя иные компоненты, в том числе хазарский, византийский, в частности крымский, вероятно, какой-то иранский, проникший через Кавказ, но также и западнокенаанский и ашкеназско-царфатский. Есть сведения, позволяющие полагать, что после татаро-монгольского нашествия, разрушившего Киевскую Русь в середине XIII в., и после включения центральных и западных ее княжеств в состав Великого Княжества Литовского, позже Речь Посполитую, славянский язык продолжает бытовать в среде восточнокенаанского еврейства и существует вплоть до окончательной ашкенизации в XVII в. Примечательно, что по данным последних ономастических исследований центром этой

ашкенизации, центром, откуда шли еврейские миграции на восток, была не Германия вообще, не Польша, а именно бывшие западные кенаанитские территории, подвергшиеся той же ашкенизации тремя-четырьмя столетиями раньше. Это в свою очередь ставит перед исследователями вопрос о формировании восточного идиша в изначально кенаанитской среде, что, возможно, объясняет ряд особенностей этого языка, в частности, его славянского компонента.

Кенааниты оказались пасынками еврейской историографии. Хотя они оказались в поле внимания еще первых историков из школы *Wissenschaft des Judenthums*, попытки выделить их в качестве самостоятельной темы в рамках исторической иудаики долгое время оказывались бесплодными. В сущности, в длинном перечне работ о средневековой истории евреев в Восточной Европе только первые работы А.Гаркави, да еще статья Р.Якобсона и М.Халле посвящены собственно кенаанитам, как отдельной специфической эде. Причин тому много. Среди них и политические, как-то стремление доказать древность евреев на территории Русского государства, и историко-культурные, в частности, своеобразный европоцентризм, вернее, ашкеназоцентризм и германоцентризм иудаистических исследований, и скудость источников, и то ли не существовавшая, то ли не сохранившаяся письменная религиозная традиция у Восточного Кенаана. Так или иначе, по сию пору тема кенаанитов смотрится как экзотическая, как удел немногих почти чудаков, которые пытаются ее рассмотреть на фоне привычной, хотя и весьма стереотипизированной истории евреев Европы. Настоящий сборник - первый коллективный труд, содержащий претензию серьезного введения кенаанитов в научный оборот иудаики.

Литература

Библиография по кенаанитам

работы на русском языке

Алексеев А.

1993 Русско-еврейские литературные связи до XV в. // Jews and Slavs
_V, p. 44-75

Артамонов М.И.

История хазар. Л.

Архипов А.

1984 Об одном древнем названии Киева // История русского языка в древнейший период. М., с.224-240

1993 К изучению сюжета о выборе веры. "Повесть временных лет" и "еврейско-хазарская переписка // Jews and Slavs, vol.1, ed. by W.Moskovich, Sh.Shvarzband and A.Alekseev, Jerusalem-St.Petersburg, pp.20-43

Асланов С.

2010 Изменение языковой идентичности евреев Восточной Европы: к вопросу о формировании восточного идиша // История еврейского народа в России. От древности до раннего нового времени. М. - Иерусалим, Гешарим - Мосты культуры, с.398 - 417

Бенцинг И.

1986 Языки гуннов, дунайских и волжских болгар // Зарубежная тюркология, вып.1 Древние тюркские языки и литература, сост. С.Г.Кляшторный

Берлин И.

Исторические судьбы еврейского народа на территории Русского государства. Пг.

Бунарджич Р., Фодор И.

2001 Материалы 2 международного симпозиума по хазарам, М. (передатировка Челарева)

Вихнович В.Л.

2012 Ица из Чернигова в XIII в // в настоящем сборнике

Гаркави А.Я.

1865 Об языке евреев, живших в древнее время на Руси, и о славянских словах, встречаемых у еврейских писателей, СПб.

Голб, Норман Прицак, Омельян

1997 Хазарско-еврейские документы X в. Научная редакция, послесловие и комментарии В.Я.Петрухина. Москва - Иерусалим, Гешарим, 239 с., илл.; второе издание М. Мосты культуры, 2003

Даньшин Д.И.

Фанагорийская община иудеев //ВДИ, №1

Дерфер Г.

1986 О языке гуннов // Зарубежная тюркология, вып.1 Древние тюркские языки и литература, сост. С.Г.Кляшторный

Дубнов С.М.

1907 Письма о старом и новом еврействе (1897-1907). Систематически обработанное и дополненное издание/ СПб.: Тип. т-ва "Общественная польза", - VIII, 370 с.

Калинина Т.М.

1986 Торговые пути Восточной Европы IX в.(по данным Июн-Хордадбега и Ибн-акл-Факиха) // История СССР, №4, с.68-82

Восточные источники VIII-IX вв. о славянах // Древнейшие государства Восточной Европы. М., с.216-218

Кизилов М.

2011 Крымская Иудея.

Коковцов П.К.

1913 Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-русско-византийских отношениях в Хв. // Журнал Министерства народного просвещения Ю Спб., ноябрь 1913г., с.150-172

1926 Заметка о еврейско-хазарских рукописях Кембриджа и Оксфорда // Доклады Академии Наук СССР, сер. В, Л., с.122 и далее

Еврейско-хазарская переписка в X в. Л.

Кулик А.

2010 Евреи Древней Руси: источники и историческая реконструкция // История еврейского народа в России. От древности до раннего нового времени. М.-Иерусалим, Гешарим, Мосты культуры, с.189 - 213

Куник А., Розен В.

1878 Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Спб., Т. I

Мещерский Н.А.

К вопросу об источниках Повести временных лет // Труды
отдела древнерусской литературы. М.-Л., с.57-65

Милитарев А.Ю.

2003 Воплощенный миф: „Еврейская идея“ в цивилизации. М.: Наталис,
256 с. (Серия „Восточная коллекция“)

Мочалова В.В.

2009 Еврейские легенды о «начальных временах» в
Чехии и Польше // История - миф - фольклор в еврейской
и славянской культурной традиции / Отв. ред. О.В.
Белова. Сб. статей. Акад. Серия. Вып. 24. С. 324-344.

Назаренко А.В.

Русь и Германия в IX-X вв. // Древнейшие государства
Восточной Европы. 1991 М.

Напольских В.В.

2003 К чтению так называемой «хазарской надписи» в Киевском
письме // Голб, Норман Прицак, Омельян Хазарско-еврейские документы
X в. Научная редакция, послесловие и комментарии В.Я.Петрухина. М.
Мосты культуры, 2003, приложение, с. 221-226

Новосельцев А.П.

Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М.

1991 Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.

Орел В.

О славянских именах в еврейско-хазарском письме из Киева // Paleoslavica V.5., p. 335-338

ПВЛ

Петрухин В.Я.

1989 К проблеме формирования «Русской земли» в среднем Приднепровье // Древнейшие государства на территории СССР, 1987, с.26-30

Варяги и хазары в истории Руси // Этнографическое обозрение, №3, с.68-83

1994а Славяне, варяги и хазары на юге Руси. К проблеме формирования территории Древнерусского государства // Древнейшие государства Восточной Европы 1992-1993. М., с.117-125

1994б Славяне и Русь в «Иосиппоне» и Повести временных лет // Славяне и их соседи, вып.5, с.44-56

1995 Начало этнокультурной истории Руси. М.

Славяне и их соседи

вып.5: Еврейское население в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. Средние века - новое время. М.

2000 Князь Олег, Хлгу Кембриджского документа и русский княжеский род // Древнейшие государства Восточной Европы 1998. М., с.222- 229

К вопросу о сакральном статусе хазарского кагана: традиция и реальность // Славяне и их соседи, вып.10, с.73-78

Петрухин П.В., Эйделькинд Я.Д.

Б.д. Книга Иосиппон. Таблица народов. по изданию: Флюссер, 1978. С. 3-9

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Kniga_Iossipon/t_ext.htm.

Поляков, Леон

1997 История антисемитизма, т.1 Эпоха веры. М.-Иерусалим, Лехаим-Гешарим.

Топоров В.Н.

1995 Святость и святые в русской духовной культуре. М.

Торпусман А.Н.

Антропонимия и этнические контакты народов Восточной Европы в средние века // Имя - этнос - история, ред. М.А.Членов, М. Институт этнографии АН СССР, с.48-53

Трубачев О.Н.

В поисках единства. М.
(о славянских именах в киевском письме - с.55ff)

Цинберг С.

1924 Авраам Крымский и Моисей Киевский // Еврейская старина, т.11, Л., сс. 93 - 111

Биографический очерк о крымском раввине Аврааме (сер.14в.) и раввина Моисея из Киева (1448 - 1520)

Цукерман К.

1998 Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836-889 г. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, т.6, с. 671-672, Симферополь (про Челарево)

Шапира Д.

2010 Евреи в раннее Средневековье в соседних с Россией странах // История еврейского народа в России. От древности до раннего нового времени. М.-Иерусалим, Гешарим, Мосты культуры, с.44 - 76

Чекин Л.С.

К анализу упоминаний о евреях в древнерусской литературе XII-XIII вв. // Славяноведение, №3

Чичуров И.С.

Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М.

Членов М.А.

1999 Еврейство в системе цивилизаций (постановка вопроса) // Диаспоры, №1, М., 1999, с. 34 - 56 (перепечатка в журнале «22», Иерусалим, 2001)

К вопросу о социолингвистической характеристике еврейской диаспоры. Метаязык цивилизации // Диаспоры, №3, с.166-184

К вопросу о социолингвистической характеристике еврейской диаспоры. Еврейские языки (*статья вторая*) // Диаспоры, №1, с.87-109

2009 Что такое «еврейство»? Взгляд социального антрополога // Этнографическое обозрение. №6 С. 8 - 20.

Эрдаль М.

2005 Хазарский язык, Хазары, Москва 2005, стр. 125-139

Эрдели И.

1983 Кабары (кавары) в Карпатском бассейне // Советская археология, №4, с.174-181 (упоминание Челарева)

работы на западных языках

Bar-Itzhaq, H.

2001 Jewish Poland. Legends of origin. Ethnopoetics and Legendary Chronicles. Detroit: Wayne State University Press (1-е изд. на иврите - 1996).

Baron, Salo Wittmayer

1957 A social and Religious History of the Jews. Vol.III. Heirs of Rome and Persia. Columbia University Press, New York

Beider, Alexander

A Dictionary of Ashkenazic Given Names. Bergenfield, New Jersey, Avotaynu Inc., xiii, 682 p,

Bondy, B. and F, Dvorsky

K historii židů v Čechách, na Moravě a v Šlensku
(906 až 1620), 2 vol., Prague

Bretholz, B.

Quellen zur Geschichte der Juden in Maehren
von XI bis zum XV Jahrhundert (1067 - 1411) //
Schriften der Gesellschaft fuer Geschichte der
Juden in der Cechoslowakischer Republik. I.
Prag

EJ - Encyclopaedia Judaica

Golb, Norman and Omeljan Pritsak
1982 Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca and
London, Cornell University Press

Jakobson, R. and M. Halle

The Term Canaan in Medieval Hebrew // For Max Weinreich on
his seventieth birthday, The Hague, Mouton and Co. pp.147-172

Koestner, Arthur

1976 The Thirteenth Tribe (русский перевод Кестлер А. Тринадцатое
колono: крушение империи хазар и ее наследие. Спб. 2001)

Kupfer F. and T. Lewicki

1956 Źródła hebrajskie do dziejów Słowian i niektórych innych ludów
środkowej i wschodniej Europy / Opr. F. Kupfer, T. Lewicki. Wrocław;
Warszawa

Marmorstein, A.

The Synagogue of Claudius Tiberius
Polycharmus in Stobi // The Jewish Quarterly
Review, New series, vol.27, no.4 (April 1937),
pp.373 - 384

Ringelbaum E. and R. Mahler

1930 Teksty źródłowe do nauki historii Żydów w Polsce i we wschodniej
Europie / Opr. E. Ringelbaum, R. Mahler. Warszawa,

Schwarzfuchs, S.

рец. на Golb-Pritsak 1982 // Revue de l'Histoire de Religions,
vol.201, pp. 433-434 (первое сомнение в том, что
Киевское письмо написано в Киеве, а не адресовано ему)

Weinreich, Max

1980 History of the Yiddish Language. Translated by Shlomo Noble.
The Univ. of Chicago Press, Chicago & London 1980, x +
833, maps

работы на еврейских языках

שיפער, י

דער אנהייב פון לשון-אשכנז אין דער באלייבטונג פון אנאמאסטישן 1924
יידישע פילאלאגיע//קוועלן